

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Давай
не поженимся!

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Варвара Ярцева. Скорая детективная помощь

Анна Ольховская
Давай не поженимся!

«Соболева Анна Николаевна»

2011

Ольховская А.

Давай не поженимся! / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2011 — (Варвара Ярцева. Скорая детективная помощь)

ISBN 978-5-699-49963-2

Олигарху Мартину Пименову срочно понадобилось... фото привидения! Таково условие пари: или Мартин предъявит своему деловому партнеру Кругликову снимок бестелесной субстанции, или должен будет жениться на его дочери Альбине, страшной как сто смертных грехов! Мартин нанял лучшего московского фотографа и его сестру Варвару, которые не мешкая отправились в заброшенный швейцарский пансион. Якобы там полным-полно призраков! Вот только Кругликов не дремлет – он готов абсолютно на все, лишь бы наконец сплавить дочурку замуж!

ISBN 978-5-699-49963-2

© Ольховская А., 2011

© Соболева Анна Николаевна, 2011

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	23
ГЛАВА 8	26
ГЛАВА 9	29
ГЛАВА 10	32
ЧАСТЬ 2	35
ГЛАВА 11	35
ГЛАВА 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Ольховская

Давай не поженимся!

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

– Не-е-е, Игоряныч, не скажи! – Лоснящаяся от пота физиономия рыхлого лысоватого мужика чувствовала себя явно не комильфо, с трудом удерживая все время соскальзывающее из-за этого дурацкого пота осмысленное выражение. Хотя пот тут, если честно, был не при делах – пить надо меньше, а тем более в бане. – Нормальное у тебя имя, во всяком случае – ик! – запомни... запому... короче, не перпутать, о! Не то что мое.

– Ну ты кокетка, Степан Петрович! – погрозил пальцем собеседник, с изумлением наблюдая за траекторией движения непослушного перста, вместо четкого маятника вырисовывающего затейливые вензеля. – Ох, и ни фиги себе бобслей!

– Где бабсклей? – оживился рыхлый. – Мы разве с девочками сегодня гудим?

– Не, без них. Надоели. Так о чем это я? – погнал по лбу складки названный Игорянычем. – Ага, вспомнил. Так вот насчет кокетки...

– погоди! – нахмурился Степан Петрович. – Это ты меня чего, бабой сейчас назвал?

– Когда?

– Тока что! Кокетка – это ж баба!

– Ладно, пусть будет кокетун. Устраивает?

– Куриное что-то, если не петушиное.

– Ого, да ты не просто кокетун, ты капризный кокетун!

– Щас в морду дам!

– Не отвлекай, я опять мысль потерял!

– А потому что у ты не голова, а головка! Сыра! С дырками который, с большими! – искрометно пошутил рыхлый, икающим ржанием отсалютовав собственному утонченному чувству юмора.

– Ржунимагу, – проворчал Игоряныч. – Так вот, господин Кругликов Степан Петрович, вам, дорогой сэр, грех жаловаться на простое имя, которое знает, по-моему, каждый сознательный гражданин нашей необъятной родины.

– О, завернул-то как! – умилился господин Кругликов Степан Петрович. – Даже в бане красиво говорит, поганец! А на свое имя не гони, ниче смешного в нем нет, хорррошее сочетание – Мартин Пименов! Это же не какой-нибудь Нельсон Мандела, гы-ы-ы!

– Между прочим, полное имя Нельсона Манделы включает еще и Ролихлахлу.

– Чего? Какого еще лохлу?

– Полное имя известного южноафриканского политического деятеля – Мандела Нельсон Ролихлахла.

– О...ть! – восхищенно всплеснул руками Кругликов. – Я и трезвым-то это имя не выговору, а ты о как шпаришь! И откуда ты это все знаешь, чертяка!

– В школе хорошо учился. А потом в институте.

– Не то что моя дура, – загрустил рыхлый. – И ладно бы красивая девка выросла, тогда замуж без проблем пристроил бы, так ведь и тупая, да еще и крокодилица!

– Ну что ты так о дочке! – Игоряныч допил бокал с пивом. – Никакая твоя Аля не крокодилица, нормальная девушка, даже миленькая.

– Так женись на ней! – В только что расфокусированных, абсолютно пьяных глазах мелькнул черный плавник трезвой мысли. Мелькнул и снова скрылся под гладью тотальной упитости. – А чего, нормальный вариант! Где ты еще найдешь такого тестя! Да мы с тобой, объединив капиталы, страной рулить станем! К тому же я спокойно отнесусь к маленьким мужским шалостям, поскольку реально смотрю на вещи – хранить верность моей Альбине может только импотент.

Увлечшись, Степан Петрович Кругликов, нефтяной олигарх, владелец заводов, дворцов, пароходов, совершенно забыл, что только что не справлялся с вязкой лыка, удачно изображая упившегося в сопли.

Но его собеседник ничего не заметил, поскольку он-то как раз накушался до изумления.

Хотя Мартин Игоревич Пименов, один из самых молодых обитателей рейтинга «Форбса», обычно выпивкой не увлекался. Нет, он вовсе не был трезвенником, как, впрочем, и хорошим мальчиком из состоятельной семьи.

Когда почти сорок лет назад Зоя Пименова, молодая работница обувной фабрики, выплевывавшей на прилавки Советского Союза уродливые косые чувяки, донашивала своего первенца, она еще увлекалась чтением. И как раз в тот момент – Джеком Лондоном. Особенно Зою впечатлил «Мартин Иден», и она твердо решила: если родится мальчик – назовет его или Джек, или Мартин.

Муж Зои, Игорь Пименов, шоферивший на той же фабрике, считал все это бабской блажью и давно уже подобрал для пацана имя Леонид (ну, чтоб как Брежнев, авось поможет в жизни), а для девки – Надежда.

Но пока он с друзьями находился в крутейшем пике обмыва появившегося на свет парня, Зоя быстренько сбегала в ЗАГС и записала сына Мартином. Спасибо, что не Джеком.

За что и была бита первый раз.

И потом уже пьянки, перемежающиеся побоями, не прекращались. Судя по регулярно появлявшимся на свет детям, Зоя с Игорем занимались не только мордобоем, но маленький Мартин запомнил только бесконечные скандалы, пьяные опухшие физиономии родителей и их собутыльников, грязь, вонь, полчища тараканов на кухне и постоянное чувство голода. Немного позже, когда он пошел в школу, к этому добавилось и унижительное осознание собственной нищеты. Пятеро детей Пименовых ходили в чужих обносках, в том, что приносили сердобольные соседи, понятие личной гигиены отсутствовало в их семье начисто. Вернее – нагрязно.

И если младших трех сестер и брата это совершенно не напрягало, наоборот – все по кайфу, никто мыться не заставляет, то Мартина собственная и чужая вонь раздражала неимоверно.

Он вообще был словно не из их семьи – и внешне, и внутренне. Что, между прочим, со временем стало одной из главных причин непрекращающихся скандалов.

– Сука... подзаборная! – ревел Игорь, вытаращив испещренные красными прожилками глаза. – Ты с кем его нагуляла, тварь! Ты ж глянь – ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца, да? С кем трахалась, курва! Небось с антилигентом каким, недаром дурацким именем назвала!

– Какой, на... антилигент! – не оставалась в долгу опухшая, расплывшаяся Зойка, в которой ничего больше не напоминало тоненькую голубоглазую девчушку, смущенно красневшую от прикосновения руки. – Сам ты антилигент! Забыл, че ли, што девкой меня взял! Это он в вашу породу, сам же говорил, что твой папашка был из политических, из бывших. Хоть ты его никогда и не видал, мамашка твоя из лагеря с брюхом вернулась!

– Ах ты...!

И по загаженной квартире снова начинал закручиваться торнадо скандала. Сестры Мартина, Надька, Любка и Верка, а также младший брат Ленька, постоянно слыша эти обвинения,

сторонились старшего брата, считая его чужим. И не только потому, что так говорил отец, но ведь Марька и на самом деле не был похож ни на кого из Пименовых!

Все остальные дети были словно горошины из одного стручка – квадратненькие, на коротких крепких ногах, белобрысые, с низкими лбами, маленькими светло-голубыми глазками, носами картошкой и редкими светлыми волосами. Не красавцы, в общем, но и уродами не назовешь. Обычные.

И вдруг – высокий, тонкий, в детстве больше напоминавший девочку Мартин. Глаза тоже голубые, но яркие и широко распахнутые, точеный носик, красивый рисунок губ, изящные руки-ноги, выющиеся пепельные волосы – словно невесть откуда занесенный ирис среди чертополоха.

И давно бы уже затоптали бедолагу, закидали колючками, если бы не стальной стержень внутри тонкого стебля.

Может, и на самом деле, как гласила семейная легенда, отцом Игоря и дедом Мартина был «дворянин недобитый»?

Бабушка мальчика, Ксения, получила пять лет сталинских лагерей за то, что во время войны она, тогда еще девушка, пластаясь в колхозе на уборке, собрала просыпавшееся из худого мешка зерно и принесла эту горсточку домой, чтобы накормить пухнувших от голода младших сестер. Мир не без «добрых людей», и на следующий день Ксению арестовали.

Мартин плохо помнил бабушку, она умерла, когда мальчику было пять лет, но рассказы ее о жизни в лагере, о дедушке остались в детской памяти навсегда. Может, потому, что бабушка Ксюня была единственным светлым воспоминанием детства, дарившим ощущение тепла и ласки.

Самый умный, самый добрый, самый сильный, честный и отважный – вот какой был его дедушка! Его уважали все в лагере, даже бандиты всякие и уголовники! Звали его Георгием, он закончил кадетский корпус, а в революцию встал на сторону красных, потому что думал, что они на самом деле за народ. Воевал хорошо, храбро, стал командиром, а перед войной с фашистами его арестовали. Просто потому, что был царским офицером когда-то. Дедушка был уже не очень молодой, но все равно сильный и, когда увидел, как двое бандитов тянут куда-то молодую девчущку, – вступился. Так бабушка с дедушкой и познакомились. А через три месяца после их знакомства дедушку придавило в тайге упавшим деревом, и он умер.

Случайно это вышло или кто из бандитов решил отомстить – бабушка Ксюня не знала. Она так и не смогла потом никого полюбить, родила сына, назвала его Георгием, но парню больше нравилось имя Игорь. Он вообще ничем не напоминал отца – ни внешне, ни поведением. Но потом появился на свет первый внучок, Мартин, и Ксения, когда увидела его впервые, – ахнула. Копия ее Георгия, просто копия!

Но никому ничего не говорила, а может, и говорила, вот только кто ее будет слушать! Сын и невестка не очень-то жаловали беспомощную бабку, толку от нее, вечно больной.

В общем, Мартин был для всех чужим – и в семье, и в школе, и во дворе. Слишком выделялся, пить не хотел, курить и нюхать клей – тоже, за партой сидел один, чтобы не мешали, и – учился. Голова у парня, в отличие от младших, оказалась светлой, учеба давалась ему легко, да к тому же он не бездельничал, прекрасно понимая, что знания – единственный капитал, который ему сейчас доступен.

В младших классах хрупкого голубоглазого пацанчика били все, кому не лень. И старшие, и ровесники, и младшие, кто посильнее. Но он ни разу не запросил пощады, лишь смотрел исподлобья, утирая кровь. И снова бросался в атаку, неумело размахивая слабыми руками. Уржаться можно было с этого хляка!

А потом даже до их города докатилось модное увлечение – карате. И первым среди записавшихся в секцию был Мартин Пименов.

ГЛАВА 2

И теперь уже били не его, бил он. Но никогда не нападал первым, только защищался. Тренер поначалу присматривался к упертому неразговорчивому парнишке, надеясь вырастить из него чемпиона, но телосложение мальчика оказалось неподходящим для спортивных успехов – слишком высокий и тонкий.

А Мартин и не видел своего будущего в спорте, хотя для уроженца провинциального городишки это был наиболее вероятный шанс добиться успеха, уехать из провинциальной обувной фабрики, где после школы для большинства выпускников выбор был невелик: для парней – училище, армия, работа на фабрике; для девочек – училище и та же работа на той же фабрике. Или, если повезет, в магазине. Нагулянные по пьяни дети, брак по залету, унылая семейная жизнь с теми же скандалами и выпивкой – ничего этого Мартин не хотел.

Но у него не было состоятельных или хотя бы простых, но добрых и заботливых родителей, у него к окончанию школы вообще уже не было родителей.

Это случилось в его день рождения, седьмого января, как раз в конце запойного марша, начавшегося в католическое Рождество. Мартину исполнилось пятнадцать, но никакого праздника, а тем более – подарков он не ждал. Последний раз его день рождения отмечали десять лет назад, когда еще была жива бабушка Ксюня. Она пекла вкусный пирог с яблоками и корицей, и запах этого пирога запомнился мальчику на всю жизнь как символ тепла и семейного уюта. И бесконечной преданной любви.

А потом бабули не стало, и некому было печь пироги и покупать щекочущий в носу лимонад в пузатеньких стеклянных бутылках. Ничего вкуснее того «Байкала» миллиардер Мартин Пименов больше не пил.

Какие, блин, праздники для детей, когда мелких пятеро по лавкам? Обойдутся без поздравлений, но папке с мамкой отметить, конечно, надо. Это ж они старались, гы-ы-ы!

Когда Мартин был помладше, он всем сердцем стремился сохранить хотя бы видимость семьи, традиций, праздников. Перед Новым годом мальчик помогал продавцам елочного базара увязывать елки, и в награду ему выделяли самое замухрышистое деревце из непроданных. Но для Мартина это было самое чудесное деревце, потому что оно ПАХЛО! Острый свежий аромат хвои на какое-то время перебивал вечную вонь в доме, елочку дети устанавливали в своей комнате и наряжали собственноручно сделанными игрушками. В основном, конечно, склеенными на уроках труда бумажными гирляндами и вырезанными из собранных на помойке фантиков снежинками. Никто никогда в их семье не делал этого, но какая-то глубинная память подсказывала Мартину, что под елочкой должны стоять красиво упакованные подарки. И лет до десяти он ставил их – и для младших, и для папы с мамой. Трогательные рисунки, выпилленные лобзиком поделки, купленные за сданные бутылки шоколадки для малышей...

И никто никогда не сказал ему спасибо, не поблагодарил, не обнял и не поцеловал в макушку, прижав к груди. Отец грубо высмеивал подарки, младшие с визгом отбирали друг у друга шоколадки, а мама – мама почему-то мрачнела и напивалась вдрызг.

И Мартин Пименов понял: распускать нюни, ждать ласки и тепла, открывать кому-либо душу, верить в дружбу, а уж тем более в любовь – глупо. Рассчитывать в этой жизни можно только на себя. А потому что больше ты никому не нужен.

И в день своего пятинадцатилетия Мартин до самого вечера проторчал в спортзале, оттачивая новый, очень сложный прием. И загоняя себя до изнеможения, чтобы дома сразу рухнуть в кровать и уснуть, никого не видя и не слыша.

Душ он принимал в раздевалке спортзала.

Еле передвигая ноги от усталости, Мартин подошел к двери квартиры и замер. Это... это было неправильно!

Но праздничный аромат яблок и корицы насмешливо щекотал ноздри – тебя забыли спросить, что правильно, а что нет.

Он лихорадочно зашарил в карманах, ища эти кретинские, вечно куда-то заваливающиеся ключи.

В этот момент дверь распахнулась, и Мартин окончательно утратил связь с реальностью – на пороге стояла ТРЕЗВАЯ, ласково улыбающаяся мама!

– Ну где же ты ходишь, сынок? – смущенно улыбнулась она, вытирая чистеньким фартуком припорошенные мукой руки. – Мы тебя ждали!

Мартин деревянно шагнул через порог, украдкой ущипнув себя за ногу. Мгновенно огрызнувшаяся боль подтвердила – он не спит. Все происходит взаправду.

И эта убранная, свежо пахнувшая чистыми полами квартира – не сон. И праздничный стол в зале, накрытый неведь откуда взявшейся скатертью, – не сон. И мама, протягивающая ему неумело запакованную коробочку, – тоже не сон.

– С днем рождения, Мартин! Я полгода тайком от папки деньги тете Зине относил, чтобы не потратить. Носи на здоровье!

– Это... – побледнел от волнения мальчик. – Это мне?

– Тебе, сынок. Командирские! – гордо улыбнулась Зоя.

Старые, кондовые, вызывавшие недоуменные взгляды окружающих советские «командирские» часы Мартин Пименов носил до сих пор.

А тогда он не смог сдержать слез. Последних слез в своей жизни.

Так и стояли они, обнявшись. Зоя, уткнувшись носом в плечо давно переросшего ее сына, горько плакала:

– Прости меня, сыночка, за все прости! Я ведь все вижу, все понимаю, только водка эта проклятая со свету меня сживает! А сегодня вот проснулась, посмотрела кругом – и так тошно стало! Папка твой в блевотине лежит, вас никого нету – разбежались кто куда, грязища, вонища! А в углу – не поверишь! – тень какая-то жуткая, черная-пречерная. И холодом от нее веет, аж сердце замирает. Ну, я соседей позвала, и мы папку твоего к его друзьям спровадили. Велела ему больше домой в пьяном виде не приходить, а сама за уборку взялась. Девчонки потом с улицы прибежали, помогли мне, красавицы мои.

Красавицы десяти, одиннадцати и двенадцати лет от роду гордо качнули туго заплетенными светлыми косами. Бритый наголо тринадцатилетний Ленка угрюмо шваркнул носом и нетерпеливо пробубнил:

– Может, хватит сопли распускать, жрачка стынет! Наготовили вкусного и измываются!

– Ты бы хоть брата поздравил, Ленечка! – Мать вытерла слезы ладонью. – Он ведь всегда о вас заботился, помогал.

– Ну, поздравляю.

– Ну, спасибо, – улыбнулся Мартин, цепляя на руку часы. – Mam, я люблю тебя.

– И я тебя, сыночка! Вот увидишь, теперь у нас все хорошо будет, обещаю! Я больше пить не стану и папке нашему не позволю! Слышите, мои хорошие! Теперь мы все-все праздники отмечать будем вместе, без водки! – повернулась она к детям.

Такой, с просветленным, пусть и опухшим вследствие многолетних пьянок лицом, с умытыми слезами, сияющими глазами, и запомнил мать Мартин.

Потом они, пожалуй, впервые в жизни сидели всей семьей за одним столом и праздновали: вкусно ели, пили «Байкал» и «Буратино», много шутили, смеялись, даже обычно нелюдимый и мрачный Ленка сверкал неожиданными ямочками на щеках.

Пока не явился отец семейства собственной снова ужравшейся персоной.

– Шо за праздник? – икнул он, распространяя миазмы немывтого тела и гнусного перегара. – Новый год рази? Дак он вроде был уже.

– Совсем допился, бессовестный! – поднялась из-за стола Зоя. – Иди, откуда пришел! Я ведь тебе сказала – пьяным домой не возвращаться! Не мешай нам день рождения сына праздновать!

– Какого еще сына? – гадко ухмыльнулся Игорь. – Этого байстрюка, че ли? Дак сто раз говорил – не мой он сын! Вот Ленька – мой! И девки все мои, на меня похожие, а этот глист – не мой!

– Как же тебе не стыдно! Ведь мать твоя говорила, что Марик на деда похож, просто один в один!

– Мало ли че выжившая из ума старуха несла!

– Ей, между прочим, всего шестьдесят два было, когда умерла, никакая она не старуха была! И вообще – убирайся! Видеть тебя не хочу, всю жизнь мне испоганил!

– Ах ты, курва! – заревел Игорь, мгновенно наливаясь кровью, казалось, еще секунда – и его физиономия треснет, словно переспевший помидор. – Ты на кого рот раззявила, тварь?! Да я у ся дома, и никто меня отсель не выгонит!

– Ну почему же. – Мартин, сжимавший кулаки все сильнее, медленно встал из-за стола, чувствуя, как изнутри поднимается мутная волна ненависти к этому ничемному человечешке, действительно испоганившему жизнь не только семье, но и собственной матери. – Если понадобится – выгоню.

– Ты, что ли, глиста в обмороке? – насмешливо скривился отец, снизу вверх глядя на действительно тонкого парня.

Тонкого, гибкого и опасного, как змея. Худощавое тело Мартина было словно свито из тренированных мышц. Они, мышцы, не были рельефными, не бугрились, как у боксеров там или борцов, нет. Они стальными веревками оплетали тонкий костяк, делая парня почти неуязвимым.

Почти – потому что от ножа или пули защитить все же не могли.

А вот от неуклюжего пьяного замаха – сколько угодно.

Мартин легко уходил от прущего напролом отца, но ему быстро надоело играть в бирюльки, да и продолжить праздник он еще надеялся.

Поэтому неуловимым движением парень вырубил быстро ухекавшегося папашу и утащил его в соседнюю комнату отсыпаться.

Но, видимо, не рассчитал пьяного упорства окончательно пропившего разум отца.

Мартин, успокаивающе улыбаясь, уже почти дошел до стола, как вдруг увидел расширившиеся от ужаса глаза младшей сестренки, Любаши.

Потом к нему за спину с отчаянным криком метнулась мать, жуткий, какой-то хрустящий звук, хрип...

Мартин обернулся и захлебнулся от ужаса.

На полу лежала, странно подергиваясь, мама. Вместо лица – страшное месиво. А над ней, с окровавленным утюгом в руках – оскалившийся по-звериному отец.

Он поднял налитые мраком глаза и процедил:

– Теперь твоя очередь, вы...к. Эта сука сама виновата, нечего было соваться.

И Мартин впервые в жизни осознал, что способен убивать.

ГЛАВА 3

Но ему не дали. На крики и плач девочек сбежались соседи, беснующегося отца скрутили, отобрали у него утюг, насовали пару раз, а потом прибыл вызванный кем-то милицейский наряд.

За убийство жены Игорь Пименов получил двенадцать лет. Протрезвев в камере, он пускал сопли раскаяния, писал детям жалостливые письма, умоляя простить папку, не забывать и принести передачку с – далее по списку. Длинному списку, переполненный раскаянием бедняга не забывал ни одной мелочи, совершенно не заботясь о том, где осиротевшие дети будут все это брать. И на какие деньги. А не дождавшись посылок, забыл о детях навсегда.

Так, по крайней мере, казалось тогда Мартину.

Поскольку других родственников у ребят не было, их всех определили в детский дом, где шанс вырваться из мутной реальности вообще стремился к минус бесконечности.

Безусловно, в стране хватало нормальных детских домов с преданными своему делу воспитателями и педагогами, которые искренне переживали за вверенных их попечению детишек, не воровали, не унижали, следили за порядком, не позволяя обижать слабых.

Но детский дом, куда попали младшие Пименовы, оказался школой выживания. Он словно специально был создан для того, чтобы уничтожать в детях личность, ломать их, превращая в серую биомассу, жизненные приоритеты которой мало отличались от потребностей животного мира.

Отвратительная еда, да и той не хватало, серое застиранное постельное белье, издевательства над провинившимися, дедовщина, активно поощряемая персоналом, плохо отапливаемые спальни – лепота и благолепие, в общем.

Но у детей Пименовых был Мартин. Местные шакалята быстро поняли, с кем имеют дело, и изо всех сил стремились сделать опасного парня своим вожаком. А когда не получилось – вожаком стал Ленька, находившийся под защитой силового поля своего брата.

И роль эта парнишке понравилась, даже очень. А Любе, Наде и Вере очень нравилось быть сестрами негласного лидера и ТОГО САМОГО МАТИНА.

А тот самый Мартин, и раньше-то не очень общительный, после трагедии окончательно замкнулся. У него не было друзей. Ни одного. Потому что все врут, верить никому нельзя.

Первая, трепетная и сладкая, юношеская любовь тоже обошла парня, сделав на всякий случай крюк побольше, чтобы не наткнуться на холодный, безразличный взгляд, похожий на взгляд горгоны Медузы. Только там, в легенде, каменели люди, а здесь – чувства.

Все продается и все покупается – это Мартин усвоил четко. И любовь с дружбой в том числе. Право сильного: если у тебя есть деньги, или власть, или сила – у тебя будет и любовь и дружба.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей? Глупости. Будешь иметь сто рублей – будешь иметь сто друзей.

Родственные чувства, семья? Он сыт по горло этим бредом. Брату и сестрам он нужен, потому что дает привилегированное положение в их скудном обществе. Отец? Если эта тварь не сдохнет на зоне, он, Мартин, разберется с подонком лично.

Мама... Она попыталась вернуть в семью тепло, и что из этого получилось? На могилу к ней и к бабушке ходит только старший сын и внук.

Поскольку нравы в детском доме были более чем свободные, мужчиной Мартин стал тогда же, в пятнадцать лет. Впрочем, не мужчиной – самцом.

К окончанию школы он мало напоминал хрупкого и нежного Маленького Принца, каким был в детстве.

Высокий, поджарый, сильное гибкое тело, длинные стройные ноги, изящные кисти рук огрубели от постоянных тренировок – в комнате Мартина к стене была приколочена специальная доска, подвергавшаяся ежедневному избиению, – выющиеся пепельные волосы подстрижены максимально коротко, подчеркивая высокий лоб. Когда-то распахнутые навстречу миру голубые глаза прячутся в холодном прищуре век, тонкий нос после нескольких переломов окончательно утратил прежнюю форму, но это вовсе не портило парня, наоборот – придавало его лицу мужественности.

Черты лица тоже огрубели, утратили нежность, никто уже не рискнул бы назвать Мартина девочкой.

С-ума-сойти-каким красавцем он не стал, в кино парня вряд ли позвали бы сниматься, но девушек, а потом и женщин притягивало к нему, словно магнитом. Каждой казалась, что именно она сможет растопить замерзшее сердце Кая, складывающего из льдинок слово «Вечность».

Но тогда они хотя бы интересовались просто Марином, а когда просто Мартин заработал свой первый миллион долларов – на него началась настоящая матримониальная охота.

Случилось это к тридцати годам. Позади были школа (золотая медаль), армия, экономический факультет МГУ (красный диплом), оконченный в самый разгул лихих девяностых. Оказалось, что, помимо светлого ума и упертого трудолюбия, Мартин обладал еще и удивительной интуицией. Он тонко чувствовал колебания финансового рынка, правильно вкладывая деньги, заработанные поначалу не рэкето, не бандитизмом, а более чем банально – челночным бизнесом.

Мартин одолжил у младшего брата, Леньки (обладателя красного пиджака и «голды» толщиной в палец – вот тут как раз рэкет) две тысячи долларов, сгонял в Турцию сам, потом гонял других, а когда на руках накопилась гигантская для него тогдашняя сумма – двадцать тысяч долларов, – Мартин впервые сыграл на бирже.

И больше уже не челночил. А дефолт девяносто восьмого, разоривший тысячи бизнесменов, и привел Мартина Пименова к первому миллиону долларов. Интуиция, господа, интуиция.

В начале двухтысячных он не просто играл на бирже, он удачно вкладывал капитал в наиболее прибыльный бизнес. Легальный бизнес, с откровенным криминалом Мартин Игоревич Пименов не связывался никогда.

Достаточно того, что его брат практически не вылазил с зоны. Леонид Пименов по кличке Краб стал одним из авторитетов криминального мира, пусть не очень влиятельным, но имиджу старшего вредил изрядно. Воровская романтика девяностых давно сменилась снобизмом двухтысячных, и иметь среди родственников бандита или проститутку было позором.

Да, сестрички Мартина тоже не очень радовали. И то, что им всем пришлось туго после того, как старший брат окончил школу и вышел из детского дома, вовсе не являлось оправданием распутного образа жизни.

Правда, Люба и Вера в итоге смогли завязать с прошлым, вышли замуж, нарожали Мартину кучу племянников и активно пытались наладить родственные отношения с братом-олигархом. Неужели не подбросит тысчонку-другую племяшам?

Но сажать себе на шею нахлебников Мартин Пименов не спешил. Он сам не пришел на все готовое и другим не позволит. Поэтому никаких отношений не получилось. Да, когда сынишке Любы понадобилась срочная и дорогостоящая операция, Мартин организовал госпитализацию в лучшую клинику Германии, оплатил все расходы и последующее лечение, но на этом – все. Никаких тысчонок без повода не было, крутитесь сами.

Сестры злобились, конечно, но особых хлопот не доставляли. А вот Надежда...

Проститутка превратилась в бандершу, отсидела, вышла на свободу и снова взялась за старое. Потому что ей нужны были наркотики, а эта сволочь Марька мало того, что ни копы

не давал на дозу, так еще и норовил в клинику для наркоманов засунуть! На... ей та клиника, пусть и самая дорогая!

Надя сбежала раз, другой, а третьего раза не было – Мартин просто вычеркнул сестру из списка живущих. Нет, никого он не убивал, что вы, Надежда умерла для него ментально. Он забыл о ней, как забыл о Леониде, как забыл об отце...

Игорь Пименов не умер в лагере, он отсидел свой срок от звонка до звонка, вышел на свободу и вернулся в родной город. Там пристроился под бок какой-то пьянчужке и портил теперь жизнь ей.

А когда узнал от изредка навещавшего его сына Ленки об успехах старшенького, попытался наехать на Мартина, требуя выплаты алиментов престарелому отцу.

Он не знал, как рисковал тогда. Страстное желание Мартина отомстить убийце мамы давно прогорело и больше не пылало ярким пламенем, но угли-то тлели!

Да, почитай отца своего и мать свою, но не все отцы заслуживают почета. А эта мразь еще и деньги явилась требовать! Сунул кочергу в самую сердцевину углей, разворошил их, еле удалось справиться с полыхнувшим огнем ненависти.

Но ничего, справился. Главное, что удалось избежать личной встречи, отправив разбираться с папашкой начальника своей службы безопасности. Тот все очень доходчиво и объяснил. Причем Мартин специально предупредил, чтобы отца никто и пальцем не тронул, ограничившись убедительной речью.

Судя по всему, речь оказалась достаточно убедительной, во всяком случае, с горизонта папенька исчез и больше о себе не напоминал.

Ушлые папарацци, разумеется, разнюхали всю историю одного из самых молодых миллиардеров «Форбса» и активно полоскали его имя на страничках цвета утренней мочи, но Мартин избрал самую правильную в такой ситуации тактику – он не реагировал на брех прессы. Никак. Вообще.

А это скучно. И от него отстали. Ведь, в конце концов, это не он сам бандит и уголовник, правильно?

Сам Мартин Игоревич Пименов был желанным гостем на светских раутах, его общество ценили, его дружбы искали, на его любовь надеялись.

Но жизненные установки, выработанные в юности, остались прежними – верить можно только самому себе. Дружбы нет, преданности нет, любви нет.

Как это там было у Анны Лощининой?

Мартин однажды случайно попал на презентацию сборника стихов жены известного певца Алексея Майорова, его туда затащила очередная киса. Киса коллекционировала книги с автографами авторов, но сама эти книги читала редко. А вот Мартин пролистал из любопытства и увлекся. Никаких розовых соплей там не было, а многие мысли автора оказались созвучны его мыслям. И некоторые стихи Мартин запомнил наизусть. Потому что так оно и есть, верно?

Смог над крышами,
Смог над лицами,
Смог над душами,
Смог...
Только выжить бы,
Сердце выжато,
Человеком остаться
Не смог.

Потому что у человека есть душа, она болит и мешает.

ГЛАВА 4

Очень мешает, особенно по ночам.

Если днем эта пульсирующая точка была основательно завалена пластами срочных и необходимых дел, встречами, переговорами, светскими тусовками, развлечениями с очередной (а то и несколькими) претендентками на место в постели, то ночью...

Больше всего Мартин Пименов боялся бессонницы, довольно часто навещавшей его часа в два-три ночи. Он знал – если угораздило проснуться в это время – все, кирдык. Даже не надейся отключиться хотя бы на пять минут, выбравшаяся из груды хлама точка превращалась в пульсирующую болью вселенную.

Вселенную, в которой жили любовь и страсть, преданность и верность, где звонко смеялась незнакомая женщина, от голоса которой сердце сжимала бесконечная нежность, где пахло пирогом с яблоками и корицей...

Не случится. Никогда. Нет, он со временем подберет подходящую кандидатуру на роль его жены и матери его детей – состоянию нужны наследники. ЕГО наследники, кровные, а не племянники.

Кстати, дабы не вводить родню в искушение, Мартин составил завещание, по которому все его деньги в равных долях делились между несколькими благотворительными фондами, помогающими больным детям. И не только детям, но и молодым людям, нуждающимся в дорогостоящих операциях.

Фонды Мартин отобрал лично, проверив их надежность и репутацию, – отдавать деньги мошенникам он не собирался.

Содержание завещания было «случайно» передано в прессу, вызвав обильное разлитие желчи у родственников, и вопрос был временно решен – живой брат гораздо выгоднее мертвого, а вдруг все же перепишет завещание?

Оставалось только соорудить собственных детей, но к осуществлению этого пункта бизнес-плана Мартин Пименов решил приступить ближе к сорока пяти годам.

Выбирать жену среди длинноногих моделей и разнообразных мисс-чего-нибудь он не собирался, ведь интеллект дети наследуют от матери, а в силиконово-безцеллюлитных рядах упомянутого контингента с этим плоховато. Хитрость есть, цепкость присутствует, алчность – куда же без нее! – стервозности тоже в избытке, в постели опять же хороши, стараются. А вот интеллект чаще всего – увы.

Многие знакомые Мартина, женившиеся на красотках, теперь озадаченно чешут лысеющие затылки – что за фигня такая? Дети учатся в лучших школах, многие – за рубежом, нанимаются репетиторы из профессуры, а толку – ноль. Тупы как пробки, ничего в них вдолбить не удастся. Кто будет бизнесом рулить, когда патриарх уйдет? Вон, старик Хилтон как мается – гламурные внучки известны вовсе не в качестве успешных бизнес-леди.

Поэтому никаких Барби, жену Мартин Пименов выберет из своего клана, наследницу какого-нибудь успешного бизнеса, пусть не очень красивую, но умненькую, выпускницу Гарварда, к примеру. И, кстати, уже пора присматриваться к подрастающим дочерям соседей по «Форбсу», надо будет Анатолию, помощнику своему, поручить. Пусть выберет подходящих по возрасту и – обязательно! – способных учениц. А он, Мартин, потом просмотрит кандидатуры, поговорит с отцом наиболее перспективной, можно будет даже подписать договор о намерениях (в конце концов, это ведь тоже бизнес) и курировать девушку дальше. Никаких бойфрендов и пьянок, строгий надзор, секонд-хенд ему не нужен. Только девственница, причем настоящая, без гименопластики, его дети должны быть похожи на него, а не на первого мужчину жены.

Ерунда не ерунда, а исследования такие есть. Владельцам собачьих питомников, к примеру, давно известно: если молодая породная сука по недосмотру владельца в первый раз загуляет с двортерьером – все. В племенное разведение ее пускать нельзя, чистота породы нарушена. Хвост и уши двортерьера будут нагло вылезать во всех последующих щенках, с каким бы чемпионом породы собаку ни вязали.

Почему так происходит, Мартин разбираться не хотел. И сравнение его будущей жены с породной сукой его вовсе не коробило. Рождение детей – процесс серьезный, и пускать его на самотек не стоит. Да, иногда получается очень даже неплохо, он сам тому пример, но чаще всего – Любки, Надьки, Леньки.

Днем все эти мысли и намерения казались единственно правильными и вполне нормальными, а вот ночью...

Ночью становилось тошно, вселенная грустно смотрела на него разноцветными глазами несбывшегося, сердце заходило от боли, маета становилась невыносимой.

Чего он только не делал, стремясь прекратить ослабляющее, разъедающее монолит жизненных установок слюнтяйство! Пригоршнями пил снотворное, занимался сексом до изнеможения, срывался с кучей красоток в какой-нибудь Куршавель, закатывая там шокирующие благовоспитанных европейцев вечеринки.

Помогало, конечно. Но ненадолго. Бессонница могла выкинуть его из спасительного забытья в любой момент, особенно погано становилось, когда это происходило в момент дурных загулов. Смятые простыни, груда обнаженных тел, смрад перегара и похоти...

И – звонкий колокольчик детского смеха откуда-то издалека.

Мартин сходил даже к одному из самых лучших психотерапевтов, надеясь избавиться от мешающего жить наваждения.

Психотерапевт, участливо кивая, выслушал сбивчивую речь клиента, а потом начал докапываться, как рекомендует наука, до детских комплексов Мартина, стремясь вывернуть его наизнанку, простигнуть эту изнанку и, прополоскав в «Леноре», вернуть на место.

Такой расклад клиента почему-то не устроил, а когда эскулап заикнулся о гипнозе, клиент повел себя совсем уж грубо. До рукоприкладства, конечно, не дошло, но по матушке психотерапевта приложили изрядно. Правда, сеанс был оплачен полностью.

На этом Мартин с психологической помощью и покончил. Ничего, он сам справится, не пацан давно. Вот выберет подходящую девушку, и в его жизни снова появится цель. Девушку ведь надо будет воспитывать, растить, следить за ее учебой и за нею самой.

И вообще, меньше рефлексий, больше работы. У тебя, между прочим, ее, работы, хватает. Издательский холдинг, гостиничный бизнес, собственная авиакомпания – Мартин Пименов средства вкладывал очень удачно, все его приобретения приносили немалую прибыль. Но купаться в груде золота, как дядюшка Скрудж из старого американского мультика, он не собирался. Деньги к деньгам, господа.

А еще Мартин не ленился учиться. Он великолепно владел английским, немецким, испанским, французским, теперь осваивал китайский как наиболее перспективный сегодня.

Само собой, не забрасывал и регулярные тренировки, черный пояс по карате скромно висел в его шкафу. Лично махаться ему больше не надо было, секьюрити хватало, но не расплываться же теперь киселем по креслу!

Не так давно Мартин открыл для себя скачки и теперь довольно часто посещал ипподром, собираясь прикупить свою лошадь и выставить ее на бега.

Там он и познакомился со Степаном Петровичем Кругликовым. Вернее, не познакомился – знакомы они были довольно давно, мир большого бизнеса довольно тесен, – а сблизился на щедро унавоженной лошадаками почве взаимного интереса к скачкам.

Чему Степан Петрович был несказанно рад. Он давно уже искал подходы к Пименову, стремясь войти в ближний круг соседа по «Форбсу», а когда узнал о матримониальных планах одного из самых завидных холостяков страны, серьезно активизировался.

Потому что у него была дочь Альбина, его постоянная головная боль. Нет, проблем с замужеством у наследницы «нефтяной трубы» не существовало, кандидаты на руку и сердце вились вокруг Альбины, словно мухи вокруг... чего-нибудь, в общем.

Правда, в итоге добивались они не руки и не сердца, а совсем другой части женского организма, причем слово «добивались» в данном случае не совсем уместно. Эта часть была гостеприимно распахнута в любое время дня и ночи, кумиром Али Кругликовой была Пэрис Хилтон, и Аля старательно копировала образ жизни своего кумира.

Вот только у Пэрис имелись хоть какие-то мозги, позволявшие ей зарабатывать на своем имидже дрянной девчонки нехилые бабки: съемки в кино, в телепроектах, рекламные кампании. На счету мисс Хилтон имелись уже собственные миллионы долларов.

А мисс Кругликова продолжала опустошать счет отца. Она вовсе не была такой уж уродиной, как ныл папенька, обычная деваха – довольно рослая, с широкой костью, с сороковым размером ноги, выкрашенные в платиновый блонд волосы, пластическая операция превратила длинный руль в аккуратный носик, узкие от природы губы накачаны силиконом, тот же состав в бюсте.

Но – дура дурой. Причем не прелесть, что за дурочка, а именно ужас, что за дура. Срочно нужен был муж, способный прекратить отток капитала со счетов Степана Петровича. Альфонсы, выстраивающиеся в очередь на звание «зять Кругликова», на эту роль явно не подходили, с их помощью отток ускорился бы в два раза.

А вот Мартин Пименов – то, что надо. Умный, хитрый, жесткий, четко знает, чего хочет, и всегда добывается своего. Вместе с таким мужиком горы свернуть можно, а не то что дочуру приструнить. И о внуках можно не беспокоиться – на улице не останутся.

Вот только Альбина Кругликова ни по одной позиции не проходила даже в запасной список возможных претенденток на роль жены и матери будущих детей Мартина Пименова.

Возраст – двадцать восемь уже; тупа – еле школу окончила; не учится, не работает, характер капризный; шалава первостатейная, о чем вся Москва знает.

В общем, нахрапом тут не возьмешь, хитрость нужна.

И Степан Петрович оказался на ипподроме рядом с Мартином. Разговорились, обнаружили много общего (не зря ведь Кругликов подробнейшее досье на будущего зятя собирал!), стали приятелями.

Правда, встречались чаще всего именно на ипподроме, иногда вместе парились в баньке, но именно там, на ипподроме, Степан Петрович обнаружил уязвимое место Мартина Пименова.

Даже два. Он:

а) всегда держал данное слово;

б) был азартен.

ГЛАВА 5

Сыграть нужную мелодию на дудочке всего лишь с двумя дырочками довольно сложно, тем более что дырочки эти чаще всего законопачены.

Потому что Мартин, пару раз расставшись из-за своей азартности с веселыми баксовыми толстушками, обладавшими округлостями в виде пяти нулей, больше в пьяном виде ни в казино, ни на ипподром, ни к букмекерам не ходил.

А трезвый, холодный и расчетливый разум являлся самой надежной затычкой для азарта.

В общем, пьяным в сопли Мартина Пименова никто никогда не видел. Трезвенником он, конечно, не был, но пить умел. Напитки выбирал грамотно, никогда их не смешивал и меру свою знал.

И даже в бане никогда не расслаблялся до состояния «гы-ы-ы», поскольку искренне не понимал – а зачем? Спиртное в парилке превращает оздоровительную процедуру в губительную, а за здоровьем своим Мартин следил, холил его и лелеял, собираясь прожить как можно дольше. И полноценнее.

Пивка хорошего, свеженького – это да, это можно, это приятно. Но пару кружек, не больше.

И сегодня Мартин заказал банщику, как обычно. То есть четыре кружки свежего пива, причем светлого – неделя выдалась тяжелой, отменилось несколько чартеров из-за неисправности двигателя одного из самолетов его авиакомпании, пришлось срочно искать лайнер на замену.

Но ничего, справился. И теперь хороший пар, пахучий березовый веник, сильные руки массажиста, прогонявшие из сведенных мышц дикое напряжение, и то самое свежее вкусное пиво – вот что надо было Мартину для восстановления деловой, боевой и прочих готовностей.

Если честно, он вообще собирался сегодня париться один, роскошь человеческого общения вызывала у него изжогу, слишком уж много этого общения было в течение недели.

Еле-еле удалось избавиться от компании Лидки, нынешней пассии Мартина Пименова, очень уж хотелось красоте новый «БМВ кабриолет», причем непременно чтобы алый был, и она вся такая роскошная, с развевающимися волосами, за рулем кабриолета, а всякий там плебс корчится от зависти. То, что сама Лидка, ох, простите – Линда Стар, модная светская львица и, собственно, на этом все – родом была из небольшого белорусского городка Жабинки, она благополучно забыла. Нет больше Лидки Старченко, сразу после школы приехавшей десять лет назад покорять Москву в туфлях из козла, нелепой куртячке и туго обтягивающих упругую попку турецких джинсах. Таких, с упругими попками, на вокзалах столицы высаживались ежедневно тысячи, а удерживались на поверхности единицы.

Вспоминать свой весьма извилистый и чаще всего дурно пахнувший путь к нынешнему статусу Линда Стар не любила. Не суть важно, сколько было в ее жизни коек, главное, что койки эти становились все дороже. И теперь она нежилась на шелковых простынях на широченном сексодроме, в прелестной квартирке, купленной для нее предпоследним папиком.

А потом львица удачно покрутила хвостом перед самим Пименовым, олигарх обратил на нее внимание и в тот же вечер пару раз соскальзывал с кретинских шелковых простыней. Уж очень старалась в их первую ночь Лидка, стремясь удержать добычу возле себя надолго.

И Мартин старания оценил. Вот уже больше месяца спал с новой любовницей, был щедр, не отказывал барышне в ее маленьких просьбах – колечко там бриллиантовое, новую шубку из шиншиллы, серьги с изумрудами – да мало ли милых штучек, которыми мужчина может наградить самку за сексуальное мастерство.

Но алый кабри Мартин покупать не спешил, хмыкал и насмешливо поднимал брови в ответ на просьбу:

– Лапа, а почему всего лишь «БМВ»? Может, сразу «Порше Кайен»? Чего уж там, гулять так гулять!

– Ну ко-о-отя! – обиженно надувала лицевой силикон Линда. – Ну что тебе стоит?

– Довольно много, между прочим, стоит. Хватит с тебя и цапек с шубой.

Но лапа не успокаивалась и именно в эту, и без того напряженную неделю активизировалась. Нет, не нытьем – в постели.

Контрольный выстрел девица собиралась сделать в бане, имелась у Лидуси специальная настоечка, после которой мужчины вообще «улетали». А как, по-вашему, ей досталась квартира в центре Москвы?

Выбери любовница более подходящий момент, у нее, скорее всего, появилась бы вожденная машинка, но в этот раз Мартин слишком сильно устал. И от секса в том числе – даже от самого вкусного блюда, потребляемого в неумеренных количествах, начинает тошнить.

В общем, Линда Стар осталась дома, в своей прелестной квартирке – у Мартина любовницы никогда не жили. И расколотила от злости пару псевдокитайских ваз.

Мартин уже практически вышел из дома, когда в кармане забулькал мобильник – звонил Степан Петрович, дабы пригласить приятеля в... баню!

Порадовавшись такому совпадению намерений (а почему бы им не совпасть, зря, что ли, Кругликов секретарше Мартина платил?), мужчины решили париться вместе.

И как-то вдруг получилось, что упарились в зюю. Вернее, Мартин упарился, поскольку Степан Петрович пил только то самое свежее пиво, чистое, без добавок в виде чистейшего медицинского спирта. Лить простую водку в пиво хитрец не рискнул, этого могло оказаться мало для двух бокалов на нос. А вот спирт с пивом – в самый раз, мегаерш.

После которого против новых бокалов Мартин больше не возражал.

Главной проблемой для Кругликова было не пропустить момент полной отключки будущего зятя, иначе весь план плавно отправился бы на плантации бамбука. Курительного.

Кажется, пора поднимать интересующую тему. Мартина интересующую. Не то чтобы он фанател по этому поводу, но любопытствовал, документальные фильмы собирал, книги покупал, в Интернете все на эту тему выискивал. Само собой, все известные блокбастеры интересующего профиля в фильмотеке имел.

Хобби такое было у Мартина Пименова, вынесенное из детства, – мистика. Приведения там всякие, души умерших, жизнь после смерти.

Скорее всего, маленькому Мартину просто очень не хватало заботливой ласки и душевного тепла, ушедших вместе с любимой бабулей, но после смерти бабы Ксюни мальчик очень часто, просыпаясь по ночам, видел склонившуюся над ним полупрозрачную фигуру, в которой без труда узнавал бабушку. Кажется, он даже разговаривал с ней о чем-то, но о чем – наутро не помнил.

В первый раз он, конечно же, рассказал обо всем родителям, но те отмахнулись, сосредоточенные лишь на оставшейся после поминок выпивке.

Бабушка навещала любимого внука очень часто, почти каждую ночь, а потом вдруг перестала. Мартин очень тосковал и даже плакал, не в силах понять – почему?

А потом убедил себя, что все это ему снилось, вот и все. Снилось-снилось и перестало, ну и что? Бывает.

Само собой, о религии в советское время знали мало, вера в бога, мягко говоря, не приветствовалась, и церковные обряды никто не соблюдал.

И только став постарше, Мартин узнал про девять и сорок дней души умершего. И понял, что бабушка приходила к внуку именно сорок дней.

Но вот было это наяву или все же во сне, он уже не помнил.

Как бы там ни было, но с тех пор Мартин Пименов собирал все, что мог найти, о жизни после смерти. Он не афишировал свое хобби, не был и ярым фанатом, всем и всюду доказывающим, что фильм «Привидение» основан на реальных событиях.

Ему просто было интересно все это, вот и все.

– Слышь, Мартин, – Кругликов икнул и глупо хихикнул, – я тут в аглицкой газетке объяву видел – продается особняк с привидениями. Может, купишь? Будешь с духами чай с молоком по утрам пить, гы-ы-ы!

– И ни-че-го смешного! – нахмурился Мартин, сосредоточившись на четком произношении. – В Англии действительно много домов с при-ви-де-ни-я-ми, фу-у-уф, еле сказал! В горле пересохло, плесни-ка пивка!

– Да брехня это все! – пренебрежительно ухмыльнулся Кругликов, выполняя просьбу. – «Каспера» кто-то насмотрелся, ага! Кто их видел, кто? Одни разговоры!

– И вовсе нет! – Кружка врезалась стеклянной задницей в стол и возмущенно дзынькнула – еще одна такая выходка, и расколуюсь на фиг! – Между прочим, существуют фотографии призраков!

– Фотомонтаж!

– Нет! Некоторые сделаны в начале двадцатого века, когда про фотомон... фототаж... короче, когда про всякие там штучки-дрючки с фотками и слыхом не слыхали! – Мартин заводился все больше, все шло по плану. – Ты загляни в Интернет, загляни!

– Не буду я никуда заглядывать – все брехня.

– Тогда я сам тебе распечатаю!

– Не надо, там тебе что угодно намастывают.

– Тогда, тогда... Тогда я сам, лично, добуду тебе снимок призрака!

– Никогда в жизни! Ничего у тебя не выйдет! Потому что брехня! Нет никаких привидений!

– Есть!

– Нет!

– Спорим?

– Спорим!

Ну, вот и все. Добро пожаловать в семью Кругликовых, Мартин.

ГЛАВА 6

Вот почему утреннее похмелье часто сравнивают с кошачьим туалетом во рту? Можно подумать, кому-то в рот коты и на самом деле писали. Или чисто ассоциативно, по поганости ощущений? Так вы, господа, еще струю скунса не нюхали. И дуриан не кушали. Что такое дуриан? Обалденный на вкус, но совершенно невыносимый для обонятельных рецепторов фрукт. Дабы иметь хоть какое-то представление о своеобразном аромате этого деликатеса, возьмите грязные, минимум неделю ношенные носки грузчика Василича, хорошенечко натрите их чесноком и полной грудью вдохните!

Во-о-от, а вы – кошки, кошки!

А еще название этого славного фрукта тонко намекало на умственные способности человека, умудрившегося нажраться в бане до полной отключки. И как это он так расслабился? Вот что значит – перенапряг.

Степан Петрович тоже хорош – мог бы придержать коней, как мудрый аксакал. Так ведь нет – подливал обеими руками, да еще и сам потом...

А вот кстати, что было потом?

Конец банных посиделок, как, впрочем, и путь домой, Мартин помнил плохо. Если честно, не помнил вообще.

Преле-э-стно!

Хорошо, хоть дома проснулся, и даже в своей спальне, и даже на кровати, а не на полу. Ну а то, что спал в одежде, – ерунда по сравнению с общим подвигом. Гораздо хуже было бы проснуться под забором или возле теплотрассы с бомжами. И понять, что ты – нищий, а все твоё состояние сейчас корчится в чужих загребуших лапах, в которые ты лично передал право собственности, подписав соответствующие бумаги.

Господи, что за бред в голове тусуется?

Впрочем, немудрено. Там, в голове, сейчас свихнувшийся звонарь блямкает на самом большом колоколе «We will rock you», особенно стараясь на сильных долях. Откуда взяться позитивным или хотя бы адекватным мыслям?

Еще и дурианом воняет!

Хорошо все-таки, что сегодня воскресенье.

Мартин начал медленно и осторожно перемещать себя в вертикальное состояние, боясь спровоцировать разнузданного рок-звонаря на что-либо из репертуара группы «Рамштайн». Тогда – все, хана эксклюзивным льняным простыням с ручной вышивкой. И перед домработницей, Зинаидой Пафнутьевной, неудобно будет. Мало того, что хозяин постоянно путает ее заковыристое отчество, называя то Повсикахиейвной, то Полуэктовной, так еще и с перечнем съеденного и выпитого накануне радостно знакомит!

Относиться к прислуге, как к предметам мебелировки, находящимся в доме исключительно для удобства владельца, Мартин так и не научился. По дому в трусах в присутствии Зинаиды Пафнутьевны не разгуливал, грязное белье и носки аккуратно складывал в специальный плетеный короб, стоявший в ванной, а не расшвыривал по всему дому, и никогда не унижал домработницу нарочитыми придирками типа: «Зинка, почему чашка так плохо вымыта?» И когда кто-либо из его барышень пытался гнобить прислугу, быстро указывал не в меру обнаглевшей девице ее истинное место.

Потому что вовсе не испытывал мстительного удовольствия от осознания того, что у него, гопоты из провинции, домработницей служит дочка профессора филологии, историк по образованию. Что поделаешь, если в наше время женщина-историк не в состоянии заработать на нормальную жизнь, работая по специальности? Муж рано умер, дочка родила безотцовщину, внук часто простужается в садике, хилый совсем.

И пришлось Зинаиде Пафнутьевне Бурцевой уйти из исторического архива в прислуги. Поначалу было тяжковато, хозяевами оказались типичные «новые русские» со всеми распальцовками и барскими заморочками.

Платили очень даже неплохо, но за год работы в их доме бедная женщина едва не заработала экзему на нервной почве.

А потом ей повезло попасть к Мартину Пименову, хотя поначалу Зинаида очень боялась. Это ведь не какие-то там торгаши шубами и дубленками, это самый настоящий олигарх, о них ведь такое пишут!

На самом деле глупости пишут. О Мартине – точно. Хороший человек оказался, порядочный, внука ее в элитный садик санаторного типа устроил, дочке помог работу найти – билеты в принадлежавшей Пименову авиакомпании продает.

Повезло, в общем.

Но и Мартину с Зинаидой Пафнутьевной тоже повезло. Честная, очень порядочная, в доме всегда чистота и порядок, холодильник заполнен, еда вкусная и полезная. Но самое главное – ей можно доверять. Ничего из того, что происходило в доме Мартина Пименова, не становилось больше добычей папарацци, как это случалось пару раз с предыдущей прислугой. И деньги больше не пропадали, и золотые часы, и запонки с черными бриллиантами. И в постель к нему никто залезть не пытался, хотя возраст тут вовсе ни при чем – шалунья, возжелавшая когда-то хозяйского тела, была всего лишь на пару лет моложе Зинаиды Пафнутьевны.

В общем, консенсус был достигнут.

В дверь спальни негромко постучали:

– Мартин, я вам крепкого кофе сварила, вам сюда принести или в столовую выйдете?

– Зинаида Порфирьевна, – сплюснутый колоколами голос был сиплым и тонким, – я пока не хочу, спасибо.

– Мартин, я ведь вас уже не единожды просила – зовите меня просто по имени, не мучайтесь с отчеством. – Дверь распахнулась, и невысокая, слегка полноватая женщина с аккуратным пепельно-седым каре вкатил в комнату сервировочную тележку. – Батюшка мой икать на том свете устал. Тем более что вас вы велели именовать без отчества.

– А что, опять перепутал? – мучительно поморщился Мартин. – Извините, пожалуйста, я немного не в форме.

– Это я заметила еще утром, когда пришла, – усмехнулась домработница, наливая удивительно ароматный кофе в чашку.

– Неужели следы жизнедеятельности в неположенных местах?! – смутился хозяин.

– Ну, не настолько все плохо, успокойтесь. Просто вы немножко не вписались в пространство и уронили все, что можно было уронить. Да и амбре в квартире витает схожее с утренней атмосферой винно-водочного отдела.

– М-да, накушался я вчера знатно. Если честно, не помню вообще, как домой добрался. Зинаида...

– Без отчества, пожалуйста.

– Ну хорошо. Зинаида, что-то мне кофе не очень хочется, даже такой ароматный, вы уж извините.

– Тогда вот. – Женщина налила в стакан чистой воды из кувшина и бросила туда белый кругляшок, немедленно укутавшийся пузырьками воздуха. – Выпейте. А как полегчает – жду вас в столовой. У меня специальное антипохмельное меню на завтрак.

– Что именно?

– Мясная солянка.

– И что бы я без вас делал, ангел вы мой хранитель!

– Возможно, женились бы пораньше.

– Очень сомневаюсь, что хоть одна из нынешних претенденток на роль моей жены принесла бы мне «Алказельцер» и сварила мясную солянку. В лучшем случае – приказала бы все это сделать вам, а сама упорхнула в СПА-салон.

– Ох, Мартин, Мартин, – покачала головой Зинаида, выкатывая тележку из спальни, – не там вы невесту ищите, не там.

– А где же мне искать, в провинции, что ли? Так я, между прочим, сам из провинции и прекрасно осведомлен о тамошних нравах. Еще дальше, в тайгу, к староверам каким-нибудь, в заповедник, где могли еще сохраниться целомудренные, чистые и светлые девушки? Извините, но снаряжать экспедицию у меня нет ни времени, ни желания. Я уж лучше сам воспитаю себе жену, по своему вкусу.

– Да при чем тут провинция или тайга! – рассердилась женщина. – И в провинции, и в Москве хватает хороших девушек, умных, честных и порядочных! Просто они по клубам вашим не шляются, дома по вечерам сидят, устав на работе или на учебе!

– И что вы предлагаете? – Шипучий напиток успешно справлялся с обязанностями, рок-концерт на колокольне постепенно затихал. – Ходить по домам как переписчик в поисках хорошей девушки? Или к свахе обратиться, устроить женитьбу Бальзамина?

– Не утрируйте, Мартин! Никуда ходить не надо, надо просто верить в судьбу, в бога, просить его, чтобы позволил предназначенной вам половинке встретиться на вашем пути. Ведь может и не случиться.

– Может. А наследники нужны. Поэтому доверить это дело судьбе, сидеть и тупо ждать – когда же появится ОНА! – я не могу себе позволить. Разумный подход и трезвый расчет – эти ребятки меня еще ни разу не подвели в бизнесе.

– Так это же не бизнес!

– Не вижу разницы, – проворчал Мартин.

– Я очень надеюсь, – грустно улыбнулась Зинаида, закрывая за собой дверь, – что у вас получится. И выбранная вами девушка сможет подарить вам не только детей, но и душевное тепло.

Ну вот, опять раздраконила! Ничего, пусть, она ведь искренне желает ему добра, переживает, а это, что ни говори, приятно.

Забывшись, Мартин резко встал и тут же замер, судорожно вцепившись в спинку кровати. Вот сейчас его ка-ак поведет в сторону, ка-ак хряпнет об пол! Или об стену, что тоже неприятно.

Но никуда не повело и не хряпнуло. Голова слегка кружилась и подташнивало, но все в пределах переносимости.

Смелой переносимости своего тела в пространстве. Так, сначала – в душ, контрастный такой, бодрящий, потом – в столовую, за солянкой, которую Зинаида готовит преотменнейше.

Контрастный душ не подвел, кровь по венам разогнала, не плелась больше вялой струйкой, цепляясь за стенки сосудов, а с энтузиазмом строителей БАМа неслась к сердцу и дальше, в голову, вымывая из мозга похмельные гнусь и бред.

Но они, гнусь и бред, отступать явно не намеревались, перейдя из ментальности в реальность.

ГЛАВА 7

Ничем другим доносившиеся из-за двери в ванную вопли объяснить было нельзя. Они бормашиной ввинтились в мозг, стоило Мартину выключить воду. Разобрать, кто это блажит и по какому поводу, из ванной не удавалось, но не высказывать же голым!

Пришлось вытереться наспех и, завернувшись в махровый халат, выбежать на разборки – какая... гм, невоспитанная особь женского пола посмела вести себя в ЕГО доме так нагло?!

То, что скандалит мадам, стало понятно еще в ванной. Хотя всегда оставался вариант с кастратом, но вроде ничего подобного среди знакомых Мартина не числилось. Или никого?

Неужели Лидка приперлась и посмела права качать? Ведь уже нарвалась однажды на грандиозную выволочку, едва не получив под круглый упругий зад коленом за попытку всучить Зинаиде свои грязные труселя и колготки на предмет постирать.

Не должна в принципе, она девица хваткая, сообразительная, настроение любовника улавливает чутко и особо не выпендривается. Знает, короче, свое место.

Это действительно была не Лидка. Совершенно обалдевший Мартин даже ущипнул себя за руку, пытаясь разбудить, – происходившее в его собственном доме не лезло ни в какие ворота: ни в хоккейные, ни даже в футбольные.

– А, вот и он! – рослая, обилием косметики и силикона похожая на трансвестита девица гневно повернулась к мужчине и грозно впечатала внушительные кулаки в бока. Хорошо, что свои, но Мартин невольно охнул. – Наплескался наконец! Так вот, эту наглую тетку, – кивок в сторону мертвенно-бледной Зинаиды, – я увольняю! Немедленно! Чтобы духу ее здесь не было! Она посмела сказать консьержу, что меня, МЕНЯ здесь никто не знает и не ждет! В моем собственном доме! Тварь наглая! Вон отсюда!

– Мартин, что это? – еле слышно проговорила Зинаида, растирая левую сторону груди.

– Что-о-о?! – От злости гренадер-девица стала похожа на обожравшегося кровью клопа. – Прислуга смеет называть тебя по имени?! Да как...

– Стоп! – заорал Мартин, зажмурившись и подняв вверх ладони. – Тихо!

– Но...

– Тихо, я сказал! Иначе выкину за дверь без разговоров!

Девица прошипела что-то невразумительное и, возмущенно потрянув редкими, выбеленными до состояния старых портянок волосами, заткнулась.

– Вот так-то лучше. Альбина, позволь поинтересоваться, – он начал тихо, чуть ли не шепотом, но постепенно голос мужчины становился все громче, завершившись впечатляющим рывком, – какого дьявола тебе тут надо? Ты что, совсем обдолбалась в каком-нибудь клубе и адреса перепутала? Это не твой дом, детка, это моя квартира, МОЯ! И мне, кстати, очень интересно, откуда у тебя мой адрес? Мы, к счастью, не настолько близко знакомы, чтобы я захотел привести тебя сюда, ты не в моем вкусе. Ты – всего лишь дочь моего приятеля, Степана Петровича Кругликова, мы были представлены друг другу, но и только! При всем моем уважении к твоему отцу – с дочерью мужику не повезло. Причем это еще мягко сказано! Немедленно извинись перед Зинаидой Пафнутьевной и убирайся!

– А, так эту дуру зовут Зинкой! – ничуть не испугалась грозного рывка мадемуазель Кругликова.

– Нет, ну я знал, конечно, что у Степана Петровича дочь не семи пядей во лбу, но не предполагал, что случай настолько запущенный! – Мартин изумленно пригладил мокрые после душа волосы. – Эй, ку-ку, подруга, дверь там! Это не твой домик, это мой домик, сейчас ты делаешь два шажочка, переступишь порожек и скроешься отсюда раз и навсегда! Я не настолько дорожу хорошими отношениями с твоим папенькой, чтобы терпеть выходки его укуренной кобылы!

– Так, старуха, – абсолютно проигнорировав пламенный спич хозяина квартиры, Альбина грозно надвинулась на казавшуюся совсем маленькой по сравнению с ней домработницу, – говорю последний раз – собирай свои манатки и дуй отсюда! Теперь я здесь хозяйка, просто кое-кто забыл обо всем на свете! Ничего, вспомнит! Ну, чего встала?

– ОК. – Весь этот театр абсурда окончательно надоел Мартину, уснувший было рок-звонарь добрался-таки до репертуара «Рамштайн», и больше всего мужчине хотелось сейчас придушить эту хабалку, но он сдерживался. Пока. – Кое-кто, я вижу, слегка подзабыл русский язык, придется объясняться на языке жестов.

– Чего? – наманикюренные ручки снова уперлись в бока.

– Того.

И в следующее мгновение одна из ручищ оказалась пребольно вывернутой за спину, отчего внушительный корпус дамы невольно согнулся вперед. Джинсы на широком задугрожающе затрещали, изящные ножки в туфельках сорокового размера мелко засеменили в нужном направлении, то есть к выходу.

А как не семенить, когда тебя поставили почти раком? Где вы видели широко шагающих раков?

Альбина взвыла, а потом высыпала на голову Мартина и всех, кто пожелал ее выслушать, коллекцию отборнейшего мата, причем некоторые перлы были поистине раритетными. И пока ее волокли до лифта, на лифте и мимо ошалевшего консьержа вон из дома, барышня умудрилась ни разу не повториться.

Много нового и познавательного узнал Мартин о себе и о своем происхождении. А также о ближайших перспективах.

– А теперь послушай меня внимательно, – холодно сообщил он, безразлично разглядывая взъерошенную мадемуазель Кругликову, похожую из-за размазанной косметики на привокзальную шлюху после трудовой вахты, – если ты спьяну, обкурившись или еще по какой-либо невероятной причине явишься сюда, я натравлю на тебя свою службу безопасности. А они парни суровые, политесам обучены еще меньше, чем я.

– Да я...

– Вполне допускаю, – Мартин поморщился, словно от зубной боли, – что вчера, будучи в невменяемом состоянии, я мог натворить несусветных глупостей, и даже – не дай бог, конечно – переспать с тобой. Но это не дает ни тебе, ни твоему отцу каких-либо прав, поняла? Я со многими спал, дорогуша, но они вели себя правильно, за что и получали милые презенты. А ты повела себя неправильно – и получила по шее. Еще раз явишься – так легко не отделаешься.

– Ты дебил, Пименов, – проворчала Альбина, растирая руку. – Мое сегодняшнее унижение обойдется тебе... – Она подняла лицо и прикрыла глаза, словно подсчитывая что-то. – Ну, не знаю, надо с папой будет посоветоваться. Думала вначале сказать – дополнительного ребенка мне заделаешь, но нет, не хочу. Сама спиногрызов не люблю. Так что – либо домик на Сейшелах, либо яхта.

– Бред какой-то, – пожал плечами Мартин, направляясь к двери подъезда. – Надо будет Кругликову сказать, чтобы дочуру в закрытом отделении психушки держал, рядом с Мэрилин Монро и королевой Елизаветой.

– Придумала! – проорала ему в спину девица. – Ты на меня свою авиакомпанию перепишешь!

– Всенепременнейше! – буркнул Пименов, захлопывая монументальную дверь подъезда.

Столпившаяся у стеклянной стены холла кучка соседей, привлеченных виртуозным лексическим мастерством Альбины, при виде мрачного (да еще и полуголого, между прочим) олигарха мгновенно самоликвидировалась, рассыпавшись на отдельные составляющие. А отдельные составляющие, будучи людьми воспитанными, раскатились по своим элитным емкостям.

Консьерж, он же охранник, здоровенный парень в униформе, сейчас явно сожалел о своем почти двухметровом росте, мешавшем ему притвориться мешком с картошкой, забытым кем-то из жильцов. Вид ТОГО САМОГО ПИМЕНОВА, искрящего от злости, полуголого, с мокрыми растрепанными волосами, медленно приближавшегося сейчас к закутку охраны, радужных перспектив не сулил. Отнюдь.

Место бы сохранить!

– Максим. – Бли-и-ин, он, оказывается, знает его имя! – Попробуйте объяснить причину, по которой вы пропустили ко мне совершенно неадекватного человека?! Она чуть не разгромила мою квартиру, оскорбила Зинаиду Прасковьевну...

– Пафнутьевну, – робко вякнул консьерж.

– Похвально, но не поможет, – грозно навис над конторкой Пименов. – Ну-с, я жду.

– Ч-чего?

– Объяснений. Вам же, как я понял, моя домоправительница четко сказала: эту девицу никто не приглашал, верно?

– Н-ну да.

– Так какого... – Мартин шумно втянул воздух, приглушая рвущийся из груди ор, и свистящим шепотом продолжил: – Почему, позвольте полюбопытствовать, вы решили все же пропустить эту... гм, посетительницу?!

– Так это... Она ведь... Она сказала...

– Прекратите блять, отвечайте четко и по существу! – Ор все-таки победил.

Охранник вскочил, уронив стул, вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал:

– Девушка сказала, что она – ваша невеста и если я не пропущу ее, меня завтра же уволят!

– И что?

– А мне нельзя, у меня мама болеет.

– Нет, это понятно, непонятно другое – с какого перепугу вы, Максим, решили, что эта кобы... что эта девушка говорит правду?! Неужели У МЕНЯ может быть такая невеста?!!

– Н-не знаю, – покраснел парень. – Она была очень убедительна.

– Ясно. – Голова болела все сильнее. – Ладно, на первый раз прощу. Но если эта дама попробует еще хоть раз...

– Обломится.

– Правильный ответ.

ГЛАВА 8

В квартире пахло обидой. Ну, если честно, пахло корвалолом или валокордином – Мартин не обладал настолько тонким чутьем, чтобы улавливать разницу в ароматах этих капель. Будь он котом, тогда – да, тогда, вероятнее всего, мог бы. По процентному содержанию валерьянки.

Хотя, если задуматься, котом Мартин все же был. Вернее, котярой, для которого кошки – существенная, но не главная составляющая его жизни.

Но задумываться было некогда, следовало посмотреть, как там его Пафнутьевна.

А неважнецки.

Зинаиду он нашел в кухне, женщина, ссутулившись, сидела на табуретке и безучастно смотрела в окно. Услышав шаги, она обернулась и дрожащим голосом произнесла:

– Мартин Игоревич, это правда?

– Во-первых, почему вдруг Игоревич, а во-вторых, что – это?

– То, что говорила эта девушка?

– Гм, девушка, – усмехнулся Мартин, устало опускаясь на высокий барный стул. – Девушкой эта особь женского пола перестала быть еще в шестом классе, если не в пятом. Что же касается ее болтовни – я, если честно, вообще ничего не понял. Похоже, Альбина перебрала с наркотиками на очередной тусовке, и у нее окончательно поехала крыша.

– То есть, – робко улыбнулась Зинаида, – вы на ней не женитесь?

– Господи, нет, конечно! – Мартина аж передернуло от отвращения. – Да на ней пол-Москвы перележало, от чего только Альбинушка не лечилась за свою не такую уж и короткую жизнь – и от сифилиса, и от гонореи, и от... В общем, от всех ЗППП. Не удивлюсь, если у нее обнаружится СПИД или гепатит В. И чтобы я выбрал матерью своих детей эту всероссийскую давалку?!

– Тогда почему она...

– Ну я же говорю – крыша поехала от передоза! Вы бы слышали, что эта помойка несла там, внизу!

– А кто она вообще такая? Откуда вы ее знаете?

– Да я и не знаю толком, так, виделась пару раз, мельком. Это Альбина Кругликова, дочка Степана Петровича. Вы его видели, он заходил ко мне на партию на бильярде.

– Помню, как же! – оживилась женщина. – Вежливый такой, приятный мужчина. И эта сумасшедшая – его дочь?!

– Увы.

– Вот беда-то! – покачала головой Зинаида.

– Да, в данном конкретном случае природа очень сильно отдохнула на потомстве. Совсем расслабилась. – Мартин сжал ладонями виски и поморщился: – Вот дрянь, а! Ведь совсем уже полегчало, а теперь голова просто раскалывается!

– А вы и не кушали ничего! – подхватила домохозяйка. – И солянка давно остыла, придется разогревать.

– Ох, не думаю, что смогу осилить хотя бы ложку, – простонал Пименов. – Тошнит очень.

– Так надо врача позвать, Якова Борисыча! Давайте-ка ложитесь, а я позвоню.

– Вот еще, ерунда какая! Зачем врач, это просто похмелье.

– Если даже и так, все равно помощь нужна. Сами ведь не справились, вон, бледный, под глазами круги черные. Краше в гроб кладут.

– Это точно, сейчас гримеры хорошо с покойниками работают, я в гробу просто Джорджем Клуни буду. Или Джонни Деппом. Как думаете, Зинаида, кого мне заказать гримеру при составлении плана организации моих похорон?

– Типун вам на язык! Нашли с чем шутить! Так, поднимайтесь, вот так, потихоньку. Да обопритесь мне на плечо, а то упадете сейчас!

– Тоже мне, надежная опора! Да я вас в два раза выше и тяжелее!

– Ну, насчет тяжелее не соглашусь, я вовсе не легконогая лань. Мартин, не пыжьтесь, вам надо прилечь поскорее.

Это точно. Голова все сильнее пульсировала дикой болью, тошнота нетерпеливо топталась в горле, подергивая желудок, малейшее движение провоцировало очередной приступ.

Ничего подобного с тщательно следившим за своим здоровьем Мартином Пименовым еще не происходило, и он, если честно, испугался. Он не привык болеть, он сильный, он здоровый, он ходит в тренажерный зал, у него есть личный врач, Яков Борисович Верник, ворчливый такой дядька, но отменный специалист. Раз в год Мартин проходил под надзором Якова Борисовича полную диспансеризацию, заканчивавшуюся всегда одним и тем же вердиктом – «практически здоров».

И вдруг – такая ерунда!

Поэтому Мартин, не сопротивляясь, позволил Зинаиде отвести себя в спальню и уложить на кровать. Потом он слышал, как Пафнутьевна звонила Вернику на мобильный, но что говорила – разобрать не удалось.

Он почти терял сознание от боли, когда в комнату вбежал запыхавшийся Яков Борисович. Взглянув на своего подопечного, доктор торопливо вытащил из потрепанного, явно старинного саквояжа ультрасовременный тонометр, измерил пациенту давление, шепотом матернулся и захрустел упаковкой одноразового шприца.

Потом в вену вогнали содержимое нескольких ампул, и постепенно тошнота и боль, угрюмо огрызаясь, отступили. Но совсем не исчезли, их уродливые морды маячили неподалеку.

– Что это было, Яков Борисыч? – запекшимися губами прошептал Мартин, как только смог говорить.

– Это, голубчик, называется гипертонический криз, – проворчал доктор, устанавливая портативный кардиограф. – Сейчас сердечко проверим, но в любом случае я бы настоятельно рекомендовал вам стационар. С этим не шутят.

– С чем – с этим?

– С инсультом, батенька, с инсультом. Или с инфарктом.

– Да какой, к черту, инсульт?! Я здоров как бык! Это так, перебрал вчера немного, вот и поплохело. Я обычно не пью в бане, но в этот раз...

– Ага, как бык, – продолжал бухтеть Верник. – Где вы видели быков с давлением двести на сто двадцать?

– А разве у быков...

– Мартин Игоревич, помолчите, пожалуйста, я вам кардиограмму делаю, а не клизму. Так, дышите ровнее. Ага, вот так, – приговаривал он, вглядываясь в выплевываемые кардиографом бумажные полоски, – очень хорошо. Просто замечательно, так, а здесь что? И здесь тоже цимес. Ну, слава богу! С сердцем и на самом деле все в порядке. В целом, конечно, все-таки криз есть криз. Так, давайте-ка давление перемеряем. Ну вот, совсем же другое дело! Не пионерское, конечно, но терпимо. А в больничку на пару дней я все же порекомендовал бы лечь, да. Прокапать витаминчики, обследоваться более углубленно да отдохнуть, в конце концов! Эдак вы себя совсем загоните!

– Но вы же сами сказали – с сердцем все в порядке! – улыбнулся Мартин, с радостью наблюдая за тающими харями тошноты и боли. – А давление прыгнуло – так это я понервничал слегка, да еще вчерашняя баня...

– Девочки... – в том же тоне продолжил врач.

– Нет, девочек не было, но одна девчушка сегодня визитом шандарахнула, вот я и поплыл.

– Поплыл он! Между прочим, Мартин Игоревич, вы... Вам сколько лет, я забыл?

– Сорок в этом году исполнилось.

– Ну вот, самый критический для мужского здоровья возраст начинается...

– В смысле потенции?

– Кто о чем, а вшивый о бане! – всплеснул руками Яков Борисович. – Кстати, с девами тоже надо бы поубавить пыл. Смертность от инсультов и инфарктов после сорока лет у мужчин резко возрастает, и поэтому за здоровьем следует следить особо тщательно. В санаторий не мешало бы съездить вместо Куршавеля.

– Ага, с дедушками и бабушками заниматься физкультурой на свежем воздухе. И водичку минеральную из специальных кружечек цедить, – хмыкнул Мартин. – Какой санаторий, Яков Борисыч! Я лучше на горных лыжах прокачусь, в океане поныряю! А давление прыгнуло – ну что же, куплю себе тонометр и буду следить. Вы мне лучше таблеточки какие выпишете, чтобы я сам мог принимать в случае чего.

– В случае чего! – проворчал эскулап, вытаскивая бланк рецепта. – Он вам нужен, этот случай чего?

– Нет, конечно.

– Тогда так. Зинаида Пафнутьевна! – позвал он домоправительницу.

– Бегу! – Дверь распахнулась. – Да, слушаю.

– Слушайте и запоминайте. Ближайшую неделю вам следует готовить только диетические блюда с минимальным содержанием соли. Ничего спиртного, даже пива. Хотелось бы порекомендовать полный покой, но это, как я понимаю, нереально? – Верник вопросительно посмотрел на пациента. Тот развел руками и кивнул. – Ну конечно, бизнес и все такое. Но сегодня! – Доктор повысил голос и поднял указательный палец. – Сегодня чтобы никаких звонков, встреч, переговоров, разборок и прочей чепухи. Постельный режим, диетические блюда, здоровый сон. Ничего острого и соленого, никаких триллеров по телевизору, лучше книжку почитайте, классику. И, разумеется, никакого секса! Зинаида Пафнутьевна, на сегодня вы – главная, а господин Пименов должен вас во всем слушаться. Заберите его телефоны, будут звонить – не зовите. А еще лучше – отключить, причем все. Если кто-то явится в гости, пусть даже нынешняя пассия – не пускать. Вам все ясно?

– Мне – да, – улыбнулась Зинаида. – Главное, чтобы Мартин слушался.

– А не будет слушаться – снова вызовите меня, и мы его к кровати привяжем. Правда, тогда придется в утку писать...

– Вот еще, птицу мучить, – буркнул Мартин. – Не надо утку, я все понял.

– Точно? Бузить не будете?

– Нет.

– Вот и замечательно. И запомните – никаких женщин!

– Тут, кстати, Линда звонила, – улыбнулась Пафнутьевна.

– Только ее не хватало! – простонал Мартин, откидываясь на подушку.

– Я так и поняла. Хотя девушка очень рассердилась и тоже пообещала меня уволить.

– Да пошла она!

– Правильное решение, – одобрительно кивнул Верник, закрывая саквояж. – Если что – звоните.

ГЛАВА 9

Мартин с удовольствием отдал своей домоправительнице все телефоны и погрузился в роль узника, словно в наполненную ароматной пеной ванну. Пусть всего на полдня, но – никаких проблем, забот, разговоров и разборок! В том, что Пафнутьевна безупречно сыграет роль цербера, он не сомневался ни секунды. Зинаида за несколько лет службы у Пименова стала, по сути, его семьей. Ближе у молодого олигарха никого не было – сестры и брат не в счет. В их отношении к старшему тепла не было никогда, родство ценилось только с точки зрения выгоды. А эта точка зрения никогда не была чистой и светлой. Как, впрочем, и устойчивой. Скользкая она и грязно-серая, как подмерзшая осенняя лужа.

Казалось бы – и домработница услужлива и внимательна только благодаря весьма вкусной зарплате, боится такое выгодное местечко потерять. Но Мартин чувствовал совершенно искреннюю привязанность Пафнутьевны, относившейся теперь к своему подопечному, словно к младшему, немного бестолковому, капризному, но все равно любимому брату.

И знал – ради его здоровья и покоя Зинаида выдержит любой натиск.

Переданные на попечение домоправительницы телефоны поначалу капризно голосили, желая вернуться к папе в ручки. Но вскоре трезвон прекратился, скорее всего, Пафнутьевна просто-напросто отключила скандалистов.

Мартин с удовольствием нежился в пене постельного режима. Вот так, без нервотрепки и бесконечных проблем, с детективом в обнимку, он не кайфовал уже... уже... М-да, если честно, он вообще никогда еще не позволял себе проваляться целый день в постели, забив на все и всех.

Единственным минусом была пропаренная, несоленая, абсолютно безвкусная еда, которую Зинаида приготовила по рекомендации врача.

– А как же обещанная соляночка? – жалобно занудил он, когда домоправительница вкастила в его комнату тележку с диетической, тошнотворно полезной пищей.

– В холодильнике, – невозмутимо произнесла Пафнутьевна, выставляя на специальный кроватный столик тарелки с подозрительным зеленым пюре и чем-то невнятно-серым. – Вам ведь нельзя пока ни жирного, ни соленого, кушайте вот это.

– А это что? – Мартин с сомнением принюхался к серо-зеленой пище. – Фрикассе из сои? Тушеная в молоке плесень с сыра?

– Читайте, что я поаплодировала вашему остроумию, – усмехнулась Зинаида. – Это – суфле из телятины, приготовленное на пару, и пюре из брокколи.

– Терпеть не могу брокколи, – проворчал Мартин, расковыривая вилкой суфле. – Фу, гадость какая! Телятина, говорите? Да это отварной картон!

– Можно подумать, что вы пробовали когда-либо отварной картон.

– Ну, колбасу, сделанную из чего-то подобного, в детстве я ел. И в студенческие годы тоже. Зинаидочка! – старательно захныкал Мартин. – Ну хоть маленькую баночку пива принесите! Иначе не справлюсь, не глотается!

– Никакого пива, только зеленый чай, как раз заварился.

– Ох, нет!

– Ох, да. Мартин, не капризничайте, доктор велел меня слушаться!

– Но без фанатизма!

Ответить домоправительница не успела: в дверь требовательно, можно сказать – нагло, позвонили.

– Это еще кто? – нахмурилась Зинаида. – Я же предупредила консьержа – никого не пускать, даже президента. Может, из соседей кто?

– С каких это пор соседи так трезвонят? Если только мы их не залили, конечно. Зинаида, мы никого не залили? Черт, что же они так кнопку звонка дают? – страдальчески поморщился Мартин.

– Ну, я сейчас кому-то мозги вправлю! – разозлилась домоправительница. – Никак человека в покое оставить не могут!

Она выбежала из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Через мгновение гвалт звонка прекратился, родив гвалт голосов в холле. Разобрать, что там происходит, не получалось, звукоизоляция в квартире была отличной, Мартин лично проследил за этим – зависеть от ритма жизни соседей он не желал.

Ладно, Пафнутьевна справится с любой напастью, а ему бы справиться с этой, с серо-зеленой.

В который раз он пожалел, что так и не завел собаку, все времени не было. А сейчас скормил бы лохматому другу эту гадость, и все путем.

С трудом проглотив очередную порцию здоровой и невкусной пищи, Мартин с грустью констатировал – в данном случае и собака не помогла бы. Нет на свете такого существа, которое по доброй воле и без принуждения в состоянии употребить сей кулинарный изыск в пищу.

Вот в качестве отделочного материала – вполне. Отличная шпаклевка получится из брокколиного пюре. Или броккольего?

Из дебрей лингвистики его выдернула вернувшаяся домоправительница. Судя по раскрасневшемуся лицу и сверкающим глазам, битва была нелегкой. В том, что она, битва, выиграна именно Пафнутьевной, сомнений не было – в квартире снова стало тихо, в спальню никто не ломился.

– Вот молодец! – просияла Зинаида, увидев почти пустые тарелки. – Все и съели под шумок. Сейчас чаю принесу.

– Ничего себе шумок! – хмыкнул Мартин. – У меня тут стены подрагивали, как во время извержения вулкана. Кто там скандалил?

– А опять эта приходила, невеста ваша.

– Что?! – рассвирепел Пименов. – Да как она... А консерж куда смотрел?! Все, добыю его увольнения!

– Да погодите огнем пыхать, – успокаивающе улыбнулась женщина. – Парень тут ни при чем, я, когда их выпроводила, первым делом вниз позвонила, отчитать хотела. Так оказалось, что через парадный вход они не проходили. Скорее всего, через подземный паркинг пробрались.

– Вот крыса! Так, минуточку, – сообразил наконец Мартин, – а почему вы все время повторяете – они? Альбина что, не одна явилась?

– Не одна, – кивнула домоправительница, – с папенькой своим.

– Степан Петрович? Извиняться за дочь явился?

– Какое там! Нет, он, конечно, своей дочурке рот периодически затыкал, уж больно она материлась, но был очень сердит, очень. Тоже, кстати, сказал, чтобы я подыскивала себе новое место работы. Возмутился, что я их в квартиру не пустила, к вам. И ведь говорю: Мартин Игоревич болен, врач рекомендовал ему полный покой, никаких волнений – как об стенку горох! Все какой-то бумагой тряс, грозился!

– Ничего не понимаю. – Чувство опасности, до сих пор дрыхнувшее после вчерашнего, вдруг открыло глаза и глухо зарычало. – Если и сам Кругликов притащился, да еще, говорите, бумагой тряс, значит... Неужели я вчера по пьяни что-то напортачил? И ведь не помню ничего, вот что самое отвратное! И как вам только удалось удержать папашу с дочкой? – покачал головой Мартин. – Они ведь запросто могли вас с ног сбить! Хотя нет, на Степана Петровича это не похоже, он никогда не прибегает к грубой физической силе. Вот Альбина, та – да, та ломит напролом, словно дикий кабан сквозь заросли.

– А она и ломанулась! – сверкнула глазами Пафнутьевна. – И папаша не удержал бы, хотя пытался от двери оттянуть кобылу свою. Ох, простите, я не должна...

– Да ладно! – махнул рукой Пименов. – Это еще мягко сказано.

– Все же я человек не вашего круга.

– Вы-то как раз человек моего круга, чего не скажешь о Кругликовых, несмотря на их фамилию. Так что сдержало крошку Алечку?

– Дверь.

– В смысле? Вы что, им не открыли? А мне показалось, что ор в квартире слышался.

– И в квартире, и в общем холле. То-то соседи сегодня развлеклись!

– Как это?

– Да очень просто. Я, поскольку консьерж ни о ком не предупреждал, первым делом в глазок дверной посмотрела. А как увидела злобную... гм, злобное лицо девушки и сердитое – ее папеньки, сразу цепочку накинула и только потом приоткрыла. Ну и началось! Представляете, она даже пыталась порвать цепочку, наваливаясь всем телом! Жуткая женщина!

– Так, надо срочно звонить моему адвокату. Похоже, я вчера совершил что-то совершенно кретинское. Принесите мне телефон, пожалуйста.

– Нет, – упрямо поджала губы Зинаида. – Доктор запретил.

– Какой теперь покой! – раздраженно отмахнулся Пименов.

– Обычный. Яков Борисович предполагал, что вас могут достать, поэтому оставил пару капсул хорошего снотворного. Это на ночь, а сейчас выпьете другой препарат, который поможет вам успокоиться. И никаких возражений!

– Но адвокат...

– Я сама позвоню Анатолию, вашему помощнику, скажу, чтобы он пригласил Георгия Вартановича сюда, часикам так к десяти, да?

– Нет. В мой офис и к восьми.

ГЛАВА 10

Оставленные Яковом Борисовичем лекарства с поручением, данным им доктором, справились преотлично – Мартин великолепно выпался, а утром чувствовал себя бодрым и здоровым, словно накануне провел день на берегу лесного озера, кубометрами поглощая настоящий на хвойных ароматах воздух.

Хотя вполне возможно, что кровь будоражил кипевший там адреналин. ЕМУ, Мартину Пименову, посмели устроить пакость, и кто – человек, которого он считал если не другом, то хорошим приятелем! Неужели господин Кругликов рискнул нажить себе врага, причем довольно опасного – Мартин при необходимости умел быть жестким и безжалостным, – лишь бы пристроить свою основательно подержанную дочь в хорошие руки?

А в том, что Степан Петрович всерьез вознамерился сделать Альбину мадам Пименовой, Мартин уже не сомневался. Он умел складывать очевидные два и два, получая в итоге – кто бы мог подумать? – четыре. А не пять. И не восемь.

Одним «два» была сама девица на выданье, другим – ее папаша. А в качестве плюсика, знаменующего сложение, выступала неведомая бумага, которой размахивал Кругликов.

Теперь Мартин понял, почему он так опьянел в обычной, казалось, ситуации. Его самым банальным образом напоили, вернее – напоил. Миляга Степан Петрович. Интересно, а что он потом сделал? Подсунул Пименову свою дочь и сфотографировал парочку в процессе, так сказать? Глупо, репутация Альбины всем известна, обесчестить ее не получится никак ввиду полного отсутствия оной. Чести, в смысле.

Он, Мартин, явно что-то подписал, но вот что? Ладно, хватит гадать, скоро все прояснится. Ну, господин Кругликов, вы попали. Напрасно вы все это затеяли, ох напрасно!

А с другой стороны – бодрит. Даже интересно стало, разнообразие в жизни появилось. В уже сложившийся, продуманный, даже немного скучный уклад ввинтилась искрящая нить накала.

Ровно в восемь Мартин вошел в просторную приемную своего кабинета. Сексапильная секретарша Люся, выполнявшая исключительно представительские функции – мелодичным голосом щебетать в трубку, готовить чай и кофе, отвлекать бюстом посетителей и так далее (настоящим помощником, доверенным, так сказать, человеком, был Анатолий Кипиани, очень способный выпускник Плехановского), похоже, явилась буквально за минуту до шефа. Хотя должна приходиться минимум на пятнадцать минут раньше.

Но – мало ли кто кому чего должен? Глупости какие – припереться в несусветную рань, чтобы отвечать на звонки разных дятлов! Нечего барабанить до начала рабочего дня! И вообще...

Выгонять Люсю Пименов не собирался, она хоть и глуповата, но зато печатает быстро и без ошибок, по телефону общаться умеет, кофе опять же готовит неплохой, а главное – не стервозна и никаких планов в отношении босса не строит.

В отличие от его предыдущих секретарш, которых он выбирал среди обладательниц красных дипломов престижных столичных вузов. Не-е-ет, хватит с него умненьких сексуальных щучек, нацеленных не на работу, а на штамп в паспорте, желание видеть в приемной толковую помощницу и одновременно мисс Секси ни к чему хорошему не привело.

И Мартин разделил одну помощницу на две ипостаси: секси и ум.

Сейчас в его приемной присутствовали обе. Или оба, все же Анатолий по всем параметрам относился к мужскому роду (что в современной Москве становилось все более редким явлением). Тем более что Кипиани, сын горячего грузинского парня и аппетитной светловолосой хохотушки из Рязани, получился очень даже ничего. Внешность – папина, а вот масть – мамина. Высокий, голубоглазый, блондинистый грузин.

Очень умный, сообразительный и, самое главное, порядочный парень, незаменимый и верный помощник олигарха Пименова. С соответствующим окладом, между прочим, хотя это не являлось для Анатолия основополагающим.

Ему было интересно работать на Пименова, учиться у него, помогать ему. И искренне восхищаться боссом.

Больше всего на свете Анатолий Кипиани хотел бы стать другом Мартина Пименова, но это, увы, по вероятности стояло в одном ряду с катанием на санках в обществе снежного человека.

Потому что у Мартина друзей не было. Ни одного.

Увидев босса, Анатолий попытался резво вскочить, но низкое кожаное кресло, нежно обнявшее костистую корму парня, намерений седока не разделяло. Оно, понимаете ли, только приняло нужную форму, только расслабилось и – на тебе! Отпускай добычу!

Пименову даже послышалось отчетливое «чпок!», когда помощник выпростал себя из душливых объятий кресла.

– Доброе утро, Мартин Игоревич! – заторопился Анатолий. – Сейчас Миносян подъедет, он звонил, предупредил, что немного опоздает, в пробку попал.

– Понедельник, утро, – пожал плечами Мартин, отпирая дверь в свой кабинет. – Люся, сделай нам кофе. И запомни: если будет звонить Кругликов – меня еще нет. Поняла?

– Конеч-е-чно, Мартин Игоревич! – пропела красотка, призывно глядя на Кипиани. – Анатолий, а вам какой кофе?

– По-турецки, на песке, – усмехнулся парень.

– А у нас нет песка, – растерялась Люся. – У нас только кофе-машина.

– Тогда то же, что и боссу.

Адвокат появился через двадцать минут, когда кофе уже был выпит, текущие вопросы обозначены, и от нетерпения у Кипиани началась нервная почесуха. Он видел, чувствовал – босс напряжен, так и искрит веселой злостью, нетерпеливо поглядывая на часы. К тому же это нежелание общаться со Степаном Петровичем! Еще в пятницу, накануне уик-энда, Кругликов забежал сюда в обед, о чем-то пошушукался с секретаршей, заглянул к Пименову – все, как обычно. И вдруг – не соединять!

И несколько звонков по мобильному босс сбросил, едва взглянув на номер звонившего. И адвоката вчера через свою домработницу попросил вызвать.

А вот интересно, почему через Зинаиду, а не сам? Пафнутьевна говорила, что хозяин болен, но что-то он мало похож на больного. Скорее – на тигра перед прыжком.

– Доброе утро! – В кабинет торопливо вошел невысокий лысоватый мужчина, меньше всего похожий на сына армянского народа.

Круглое широкое лицо, нос картошкой, небольшие глазки прячутся под кустистыми бровями. И вовсе не жгуче-черными, а самыми обычными, невразумительного оттенка. В общем, Георгия Вартановича Миносяна хотелось назвать Кондратом Сидоровичем Пупковым.

Несмотря на простоватую, совсем не лошеную внешность, это был один из лучших адвокатов России – грамотный, цепкий, жесткий, не упускающий из виду ни одной, пусть самой незначительной детали.

– Здравствуйте, Георгий Вартанович! – улыбнулся Мартин и нажал кнопку внутренней связи: – Люся, еще кофе! Двойной!

– Боюсь, нам с вами сейчас не до кофе. – Миносян устало опустил на стоявший возле стены дизайнерский диван. – Как же вы так лопухнулись, господин Пименов? Не ожидал! Ведь не мальчик уже, чтобы на «слабо» повестись!

– Не понимаю, о чем вы?

– Что значит – о чем? А разве вы меня не по этому поводу пригласили? И учтите, для опровержения нужны серьезные аргументы, поскольку у Кругликова, как я понял из статьи, на руках имеется подписанное вами соглашение.

– У Кругликова? Статья? – Мозг, похоже, ренегатски решил впасть в анабиоз, отказавшись помогать хозяину – разбирайся сам, без меня. Без него не получалось, в голове сквозило. И тупило. – Какая статья?

– У Кругликова – соглашение, подписанное вами, а статья – вот она, – адвокат вытащил из портфеля газету. – Довольно солидное издание, между прочим, без серьезных доказательств материал размещать не станет, будь он хоть трижды сенсационным. Хотя этот, надо признать, – четырежды сенсационный. Прямо вот так, с ходу, и не знаю, что предпринять, надо думать.

– Откуда это у вас? – Мартин тупо рассматривал цветной газетный разворот, с которого на него скалилась голливудской (по ее версии) улыбкой Альбина Кругликова.

А вот и сам Степан Петрович. И он сам, господин Пименов, собственной ничего не сообщаемой персоной. Нет, на фото он орел удалой, снимок сделан на какой-то светской тусовке, он там под ручку с Линдой Стар, на фоне Алечки, казавшейся вдвое красивее, чем была.

– Что значит – откуда? Из киоска, разумеется.

– Я имею в виду – почему вы купили эту газету, я ведь вас не просил?

– А мне сам герой публикации, господин Кругликов, на мобильный позвонил. И тихим таким, ядовитым голосочком предложил остановиться у газетного киоска и купить свежую прессу. Пообещал массу интересного. И, следует отметить, не обманул. Угораздило ж вас, Мартин Игоревич!

Действительно, угораздило. Как пацана развели, ей-богу!

Похоже, миляга Кругликов очень тщательно готовил ловушку, изучая все нюансы личной жизни и характера своей жертвы. Вернее, будущего зятя – по-другому Степан Петрович теперь Мартина не называл.

И ведь глупость несусветная, пьяный базар, но – записанный на диктофон, а главное – подтвержденный потом юридически грамотно составленным соглашением, заверенным в присутствии нотариуса.

И по этому соглашению выходило, что если Мартин Игоревич Пименов в течение одного года с момента подписания договора не сможет представить настоящей фотографии – внимание! – призрака, то он обязан будет жениться на дочери Степана Петровича Кругликова Альбине и прожить с ней в браке как минимум до рождения общего ребенка. Который станет **ЕДИНСТВЕННЫМ** наследником всего состояния Пименова. Потом господин Пименов может развестись, если ему будет угодно.

А если господин Пименов сможет предоставить снимок привидения, который после прохождения всевозможных экспертиз будет признан подлинным, Степан Петрович Кругликов передаст господину Пименову свой нефтяной бизнес. Полностью.

Всего-то и делов.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 11

Как вы лодку назовете, так она и поплывет.

Ага, конечно. «Адмирал Нахимов», к примеру, или «Курск». Хорошие названия, гордые, обещающие счастливую судьбу плавсредствам. И что?

Но моя мама упорно продолжала верить в счастливую судьбу дочери, названной в честь сказочной героини. Нет, не Белоснежка. И не Золушка. И даже не Рапунцель. Маменька, хоть и увлекалась чрезмерно сказками, но все же была и остается вполне адекватным человеком. Поэтому дала мне имя, которое гарантировало семейное счастье рядом с трудолюбивым, добрым и порядочным пареньком. Андрейкой там или Иванушкой.

Зато со мной по утрам (да и по вечерам тоже) здороваются некоторые собирающиеся в дорогу автомобили. Нет, не чванливые заморские красавцы, после тычка ключа зажигания начинающие довольно мурлыкать. Нет, меня приветствуют в основном наши. «Жигули» чаще всего, но и дряхлые иномарки иногда выдают натужное «вар-вар-вар-вар».

Здрасте и вам.

В общем, Варвара я. Варвара Ярцева, двадцати семи лет от роду. Образование высшее педагогическое, не замужем, не состояла, не привлекалась, на оккупированной немцами территории не жила. Родилась и живу в Москве.

Мама моя в детстве очень любила творчество режиссера-сказочника Александра Роу. И я до сих пор удивляюсь, почему меня не называли Настенькой, ведь их, Настенок, в фильмах Роу – батальон. Писклявых таких, скромных.

А может, потому и не назвала, что не хотела видеть дочь такой вот бесхребетной писклей. Зато дочь водяного Варвара (которая краса – длинная коса) – совсем другое дело. Хотя, по мне, тоже тетеха. Ну да ладно.

Вот только эта дурацкая краса. Ну, коса которая. Я другой прически так и не освоила, привыкла каждое утро плести русую веревку и никак не отвыкну. А все инертность мышления, да и вообще – удобно. Не надо заморачиваться укладкой, бигудями всякими, пенками с гелями. Может, поэтому мои совсем реденькие в детстве волосики (и чем меня только не мучили, даже лук втирали в кожу головы, надеясь укрепить хилое несчастье) со временем превратились в густую гриву. Правда, цвет немного подкачал – невнятно-русый, но красить волосы я не собиралась. Во-первых, жаль, во-вторых, лень, а в-третьих...

В-третьих, меня устраивала именно такая, на первый взгляд бесцветная внешность. Серые волосы, светло-серые глаза, черты лица – самые заурядные, ресницы и брови – тоже светлые, в общем, не девушка – моль серая. И фигура под стать – средний рост, сорок шестой размер одежды, ноги – самые обычные, растут не от ушей, а откуда положено, грудь – не Семенович, конечно, но кое-что за пазухой имеем. И это вовсе не камень.

Короче, заурядная среднестатистическая единица. Мимо которой пройдешь и не заметишь, если она, единица, не шевельнется. Если стоишь в очереди – лучше не отходить, иначе тебя не запомнят и обратно не пустят.

В детстве это меня совершенно не напрягало, в подростковом возрасте, когда подружки активно заинтересовались противоположным полом, а противоположный пол – еще более активно – моими подружками, напряжение появилось. И по мере взросления начало усиливаться, да так, что в выпускном классе я решила пилить себе вены, оставив предварительно – нет, не записку – развернутое эссе на двадцать страниц, адресованное моему однокласснику Олегу Свистунову – первому красавцу околотка. Этот омерзительно смазливый лось не только

не обращал на меня внимания, но и посмел высмеять мою попытку пригласить скотину на белый танец!

– Ты чего, Ярцева? – заржал он, когда я, уже не серая, а пунцовая, притопала к кабаняке через весь зал и предложила забавать медлячок. – Я? Танцевать с тобой?!

– А что такого? – еще нашла в себе силы независимо пискнуть я.

– Так у меня же свитер из чистой шерсти. – Он ласково погладил рукав пижонского свитера.

– Не вижу связи. – Это что, я еще стою? И даже говорю? И не в обмороке?

– Ну здрасте, связи она не видит! – подмигнул приготовившимся ржать товарищам Олег. – Я, значит, пойду танцевать с молью, а она мне во время танца личинки в свитер отложит! И звездечки одежде!

Ржали все, кто был рядом, потом волна хохота покатилась по залу, по мере того как очередной классный прикол красавца Олежки, весельчака и балагура, расплзался от эпицентра.

В котором обтекала я.

И больше всего было то, что надо мной смеялись даже те, кого я на протяжении своей школьной жизни считала подругами. Я никогда не была изгоем, над которым все издеваются из-за его уродливой внешности или бедной одежды.

Одевалась я неплохо, как все, училась очень хорошо, всегда помогала и давала списывать, вместе с одноклассниками сбегала с уроков, никогда никого не закладывала, считала, что у меня много друзей, на мой день рождения приходили все, кого я звала.

И никто, ни один человек не вступился сейчас за меня, не надавал по наглой морде красавчику Свистунову, все дружно ржали, добавляя собственные варианты порчи молью имущества.

Потому что Олег Свистунов – самый популярный парень в школе? Красавчик, спортсмен, на гитаре играет, поет классно. А два года назад в кино снялся, между прочим, в одной из главных ролей. И кино вовсе не детское, боевик. Олежка там сына мегамачо сыграл. И суперски сыграл, теперь собирается во ВГИК поступать.

С учебкой, правда, у Свистунова не ладилось, но преподаватели, в основном женщины, перетаскивали очаровашку из класса в класс. Ну зачем талантливому юноше физика с математикой, он ведь все равно артистом станет!

А кто я? Так, одна из, нормальная девчонка, но и только. И нечего было с такой бесцветной внешностью к САМОМУ Олегу приставать, сама виновата. Нет, ну как классно он отбрил, а? Личинки отложишь! Уржаться просто!

Наверное, если бы у нас была обычная, лояльная школа, где ученицам разрешают пользоваться косметикой – а у нас даже помада была строго запрещена, за тушь или тени налагалась епитимья в виде замечания в дневник и общешкольного столба позора, – ничего такого не произошло бы. Потому что, как оказалось...

Впрочем, я забегаю вперед. Надо схватить Варьку за косу и оттащить обратно, в тот день, когда ее прежнюю растоптали и унизили.

Было больно. Так больно, что, казалось, сердце сейчас разорвется на мелкие кровавые клочья, и я умру. Меня даже затошнило, но стать еще большим посмешищем я не хотела. Лучше действительно умереть. Вот тогда они все...

Что они все, я додумать не успела, тошнота подобралась уже к миндалинам и бултыхалась у выхода. Зажав рот рукой, я пулей вылетела из зала.

Хотя нет, все же сорок шестой размер, с пулей я погорячилась. Скажем, гранатой из подствольника. Но вылетела, потому что совершенно не слышала топота своих ног. Да и где было услышать среди насмешливого общешкольного ржача?

До туалета я все же успела добежать, и уже там меня вывернуло наизнанку. И с тех пор красавчик Свистунов у меня ассоциируется с омерзительным привкусом рвоты. Поэтому фильмы с его участием я не смотрю.

Да, наш Олежка таки стал актером, причем довольно успешным. В многобюджетных блокбастерах он пока не снялся, но из сериала в сериал кочует.

Впрочем, сериалы я вообще редко смотрю, если только что-то необычное снимут. Мистику там, ужасы всякие, детективы иногда, но гораздо реже, уж больно они все похожи друг на друга – честные, неподкупные следователи и опера всегда побеждают гадких бандитов. «Знатоки» в современных реалиях. Горячее сердце, чистые руки, холодная голова. Кажется, так. Или холодные руки и чистая голова?

Если оперу суют деньги, он брезгливо морщится, словно ему предложили дохлую жабу. Он выматывается на службе за очень смешные деньги, иногда пьет с устатку, но всегда безупречно честен и порядочен. Ни тени сомнения в светлом взоре, все строго в рамках УК. Не люди, а биороботы, в общем.

Вот только в жизни все по-другому.

И мне гораздо ближе сериал «Глухарь», который я начала смотреть случайно, а потом не пропустила ни одной серии. И один из главных отрицательных персонажей поначалу, начальник оперов Карпов, лично для меня гораздо симпатичнее калечных положительных героев других сериалов. Да, собственно, все персонажи в сериале симпатичны своей реалистичностью, а такого, как Карпов, я вдруг захотела видеть рядом. Жестокого с врагами, но за своих – способного горло перегрызть. Спокойно с ним рядом, больше чем уверена – соседи такого человека ведут себя тихо и достойно, на лестничной клетке и в подъезде чисто, подростки в его дворе не хулиганят, а маргинальная пьянь – не гадит в детских домиках. И собачки там выгуливаются где положено, а не в песочнице.

Так, Варька, тебя опять унесло куда-то в сторону!

В общем, выйдя тогда из школьного туалета, я твердо решила – жить после такого нельзя. Меня унизили, оказалось, что друзей настоящих у меня нет, и вообще – я уродина.

Ну и ладно, и все. И умру.

Но сегодня уже не получится, мама и отчим дома, не дадут. А вот, кстати, как бы самоубиться понадежнее? Лекарств накушаться? А каких? Снотворного у нас нет, а с остальными я не уверена. Выброситься из окна десятого этажа? Фу, потом от асфальта дворникам всякую гадость отскребать, материться будут, а я не хочу, чтобы обо мне после смерти плохо вспоминали. Хочу, чтобы все ужасно переживали и плакали, вот.

Повеситься? Больно это и долго, пока задохнешься – намаешься. Да и с высунутым языком лежать в гробу не хочу.

О, вспомнила – вены резать очень стильно. Красивая и бледная, в кровавой ванне, и не больно, говорят.

Врут. Больно. Очень больно. Именно поэтому я и забила на всю эту дурацкую затею с самоубийством.

Но прежде было разоблачительно-обвинительное эссе в школьной тетради. Все равно времени было навалом, в связи с субботой мама и отчим долго и со вкусом отсыпались, потом мама жарила сырники, потом мы эти сырники ели, и только потом старшие уехали вместе с моим сводным братом Олежкой выбирать обои для намечающегося ремонта. Звали и меня, все же дело общесемейное, но я отказалась. Какие обои, когда девушка из жизни уйти готовится!

И ведь ни минуты не задумывалась, дрянь эгоистичная, что было бы с моей мамулей, доведи я свое идиотство до конца! Ближе и роднее человека у меня не было и нет до сих пор, и я знаю – мама не пережила бы самоубийство дочери.

Но тогда – тогда я старательно исписала тетрадь в клеточку мелким убористым почерком, положила ее на видное место и отправилась в ванную.

Напустила теплой воды, влезла туда прямо в одежде – не голой ведь лежать, отчим и Олежка увидят! – и полоснула бритвой по запястью.

А в следующее мгновение с воем вылетела из ванны, заливая весь пол водой.

Да ну его на фиг, это самоубийство, больно.

ГЛАВА 12

Потом я, шипя от боли, бинтовала рану на запястье, потом переодевалась – мокрая одежда противно липла к телу и вообще – неприятно, когда из тебя, вернее, с тебя, все время капает. Я и так весь санузел ухлюпала, коридору тоже досталось, мокрый след вел и в кухню, где у нас хранилась аптечка с бинтами и зеленкой.

В общем, к моменту возвращения семьи я, злая и употевшая, домывала пол в коридоре.

– Умница ты моя! – растрогалась мама. – А мы сейчас как раз шли обратно, до ушей навьюченные рулонами с обоями, и обсуждали – какая причина наиболее приемлема для переноса уборки на завтра. Вымотались – ужас! Зато нашли очень славные обои, посмотри, вот эти – в твою комнату. Видишь, какие нежные!

– Ага, – шмыгнула я носом, раздраженно откидывая за спину растрепанную косу. – Вижу. Но можно я потом восторг выражу, устала очень.

– Конечно, доченька, конечно. Солнышко ты мое. – Мама ласково провела ладонью по щеке, и у меня вдруг невыносимо зашипало в носу. Да так сильно, что из глаз немедленно брызнули слезы. – Что с тобой, родная? Что случилось?

– Да так, руку поранила. – Вот ведь балда, нашла на что внимание родных обращать! – Больно очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.